
exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2022 №2

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель

Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор

О. А. Шабаева, канд. юрид. наук (г. Иркутск)

Ответственный редактор

О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный секретарь

Е. Д. Давыдова (г. Иркутск)

Редакционный совет:

Н. Н. Далбаева, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (г. Иркутск)
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Т. Л. Курас, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: 8(3952) 52-19-00; факс: 8(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:

664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: 8(3952) 52-11-90; факс: 8(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis.law.review@gmail.com
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.*

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2022

Содержание

Валиев К. П.

Сравнительная характеристика состава преступления «получение взятки»
по уголовному законодательству России и зарубежных стран2

Иванова Ю. Б.

Защита прав человека и гражданина от коррупционных действий
органов государственной власти в Российской Федерации5

Калабина Е. А.

Проблемы квалификации преступления, предусмотренного
ст. 106 УК РФ, и отграничения его от других составов9

Кравцова Е. Р.

Конфликт между правом на свободу выражения мнения и правом
на неприкосновенность частной жизни при распространении в СМИ
сведений о личной жизни лица13

Першин Н. Д.

Влияние цифровизации на гражданские правоотношения:
актуальные вопросы теории и практики17

Ремезова Е. Ф.

Факторы, искажающие образ права в современном обществе20

Рыбакова Ю. Д.

Проблемы применения «новых» отраслей криминалистической техники
при расследовании преступлений24

Свиштунова Н. А.

Противоправность как необходимое условие деликтной ответственности28

Сельващук А. А.

Особенности правового регулирования международной морской
перевозки грузов: система источников30

Шиленко И. А.

К вопросу об актуальности расследования уголовных дел, возбужденных
по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ34

Сравнительная характеристика состава преступления «получение взятки» по уголовному законодательству России и зарубежных стран

© Валиев К. П., 2022

К. П. Валиев

Студент 3-го курса, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, e-mail: nik.valiev.0606@mail.ru

Научный руководитель:

А. Д. Дашиева, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, e-mail: Ayuna_d@rambler.ru

Аннотация. Анализируется уголовное законодательство стран СНГ, дальнего зарубежья и Российской Федерации на предмет выявления сходства и отличий в подходах к пониманию состава преступления «получение взятки».

Ключевые слова: получение взятки, коррупция, зарубежное законодательство, сравнительный анализ.

Преступления, связанные с коррупцией, в том числе взяточничество, являются довольно распространенными не только в России, но и в зарубежных странах. Соответственно, вопрос об уголовной ответственности за получение и дачу взятки по уголовному законодательству зарубежных стран представляет большой интерес.

Предлагается начать анализ данного состава с уголовного законодательства стран СНГ: Украины, Белоруссии, Армении и Казахстана.

В Уголовном кодексе Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (далее – УК Украины) санкция за получение взятки закреплена в ст. 368 [1]. Состав данного деяния представлен следующим образом: «Получение должностным лицом в любом виде взятки за исполнение или неисполнение в интересах взяткодателя либо в интересах третьего лица любого действия с использованием предоставленной ему власти или служебного положения». Сравнительный анализ данной нормы и ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ) позволяет сделать следующие выводы [2].

Во-первых, УК РФ предусматривает более широкий круг лиц, подпадающих под санкцию данной нормы, так как, помимо должностных лиц Российской Федерации, в него включены иностранные должностные лица, должностные лица международной публичной организации. По украинскому законодательству субъектом рассматриваемого преступления является только должностное лицо.

Во-вторых, отличительной чертой законодательств упомянутых стран является способ совершения преступления. В соответствии с уголовным законодательством России получение взятки может осуществляться как лично, так и через посредника. УК Украины не закрепляет конкретного способа совершения преступления, что позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое деяние может быть совершено лично.

В-третьих, российским законодателем составлен исчерпывающий перечень предметов получения взятки: деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав. В УК Украины такой перечень отсутствует, это приводит к заключению, что взяткой может являться как предмет, так и какое-либо действие. Стоит отметить, что такой подход представляется наиболее обоснованным, так как на практике для получения желаемого люди предлагают не только имущество, но и разного рода услуги, в частности интимного характера, что по российскому законодательству не признается предметом взятки, хотя по своей сути является таковым.

Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее – УК Беларуси) также предусматривает ответственность за получение взятки [3]. Сравнительный анализ нормы ст. 430 показал следующее: по характеристике субъекта преступления и основному составу она имеет много общего с нормой, заложенной в УК Украины.

Специфическим свойством отличается предмет преступления: как было уже указано, предметом получения взятки в соответствии со ст. 290 УК РФ могут быть деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав; в соответствии же с законодательством Республики Беларусь предметом преступления выступают материальные ценности или выгоды имущественного характера.

Близкие положения содержатся в ст. 311 Уголовного кодекса Республики Армения от 18 апреля 2003 г. № 3Р-528 (далее – УК Армении) и ст. 311 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167 [4; 5]. Отличие только в субъектном составе: по армянскому законодательству субъектом преступления может быть только должностное лицо.

Таким образом, сравнительный анализ уголовных кодексов стран СНГ обнаруживает сходство диспозиций статей, предусматривающих ответственность за получение взятки, однако в законодательстве Российской Федерации субъект преступления определен шире.

Далее предлагается рассмотреть положения об уголовной ответственности за получение взятки, закрепленные в законодательстве некоторых государств дальнего зарубежья.

Уголовный кодекс Японии от 24 апреля 1907 г. (далее – УК Японии) содержит отдельную главу, в которой предусмотрена ответственность за разные должностные преступления, в том числе взяточничество [6].

Анализ соответствующей главы позволил выявить существенные отличия в составе рассматриваемого преступления. Так, согласно ст. 290 УК РФ ответственность предусмотрена только за сам факт получения взятки. Исходя же из ч. 1 ст. 197 УК Японии, ответственность может наступить не только за фактическое получение взятки, но и за ее требование, а также предварительное согласие на получение.

Еще одной отличительной особенностью является субъектный состав преступления. В УК РФ субъектом преступления может быть должностное лицо, т. е. лицо, которое фактически в момент получения взятки занимает определенную должность. В соответствии с уголовным законодательством Японии субъектом рассматриваемого деяния также могут быть лица, намеревающиеся стать публичным должностным лицом или арбитром, а также бывшие должностные лица или арбитры. Вместе с тем в УК Японии отдельно закреплена ответственность за получение вознаграждения посредником, являющимся публичным должностным лицом.

Также целесообразно обратить внимание на наличие в УК Японии самостоятельной нормы, регулирующей ответственность за взятку-благодарность.

В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики от 1 июля 1979 г. (далее – УК Китая) содержится отдельная глава, предусматривающая ответственность за коррупционные преступления [7].

Сравнительный анализ норм уголовного законодательства России и Китая показал много отличий в составе рассматриваемого преступления. Так, в соответствии с УК Китая понятие «получение взятки» включает в себя такие действия, как требование имущества, незаконное его получение, незаконное получение выгоды, получение взятки.

Также особенностью китайского уголовного законодательства является субъект, совершив-

ший деяние: помимо государственных служащих, к ответственности за получение взятки могут привлекаться государственные органы и юридические лица (государственные компании, предприятия, производственные организации, народные объединения). Государственные служащие могут быть признаны виновными в получении взятки в случае, если ими в установленном порядке не были сданы подарки, полученные в процессе осуществления государственных полномочий. Также предусмотрено наказание государственных служащих, стоимость имущества которых или расходы которых заметно превышают величину законных доходов, при условии, что это превышение составляет значительную сумму и нет возможности подтверждения законности их получения.

Ответственность за взяточничество предусмотрена в отдельной главе и Уголовного кодекса Республики Корея от 8 сентября 1953 г. (далее – УК Южной Кореи) под названием «Преступления, связанные с обязанностями должностных лиц» [8]. Уголовное законодательство данного государства также расширительно толкует понятие «получение взятки», включая в него требование, а также обещание получить взятку в связи с исполнением своих должностных полномочий (ст. 129 УК Южной Кореи).

Субъектом преступления по южнокорейскому законодательству признается не только действующие должностные лица, но и лица, которые, еще не будучи должностными лицами, получают, требуют или обещают получить взятку за совершение в будущем действий, которые будут входить в их должностные обязанности. Также УК Южной Кореи предусмотрена ответственность лица, оказывающего посреднические услуги в получении взятки.

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Несмотря на территориальную близость, общую историю и сходство менталитета и национальных правовых систем Российской Федерации и других стран СНГ, нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за получение взятки и раскрывающие состав данного преступления, имеют существенные отличия от аналогичных норм уголовных кодексов стран СНГ:

– УК РФ закрепляет более широкий круг субъектов преступления, в который, помимо должностных лиц Российской Федерации, входят также иностранные должностные лица, должностные лица международной публичной организации;

– УК РФ предусматривает возможность совершения рассматриваемого преступления с участием посредника;

- предмет преступления по УК РФ должен либо являться имуществом, либо быть с ним связанным.

Уместно привести следующее суждение: нормы УК РФ о получении взятки являются более прогрессивными по сравнению с аналогичными нормами законодательств стран СНГ, однако и они имеют недостатки. В целях совершенствования российского уголовного законодательства целесообразно сделать открытым перечень предметов рассматриваемого преступления, как это сделано в УК Украины. Такой подход позволил бы привлекать к ответственности лиц, получающих не только имущественную выгоду от взятки, но и иную, личную выгоду, которая зачастую имеет более высокую ценность для взяткополучателя.

2. Значительные отличия наблюдаются также и при сравнении уголовного законодательства России и азиатских стран:

- уголовное законодательство Японии, Китая и Южной Кореи более детально подходит к определению понятия «получения взятки», что позволяет привлекать к ответственности не только лиц,

уже получивших вознаграждения, но и лиц, требующих его либо обещающих выполнить определенные действия за вознаграждение в будущем;

- УК Китая предусматривает возможность привлечения к ответственности не только физических, но и юридических лиц;

- к субъекту преступления уголовные кодексы азиатских стран относят не только фактически действующих должностных лиц, но и лиц, намеревающихся замещать определенные должности.

Указанные положения также целесообразно включить в УК РФ, так как на их основе станет реальной возможность привлечения к ответственности заведомо недобросовестных лиц, благосклонно относящихся к коррупции.

Таким образом, российское уголовное законодательство в вопросах, касающихся получения взятки, является более совершенным, чем уголовное законодательство стран СНГ, однако оно значительно уступает уголовному законодательству таких стран, как Китай, Япония и Южная Корея.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/> (дата обращения: 03.05.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 03.05.2022).
4. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. № ЗР-528. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/category/ugolovnyj-kodeks-armenii/> (дата обращения: 03.05.2022).
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167. URL: http://www.zakon.kz/static/ugolovnyy_kodeks.html (дата обращения: 03.05.2022).
6. Уголовный кодекс Японии от 24 апреля 1907 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241616> (дата обращения: 03.05.2022).
7. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 1 июля 1979 года. URL: <http://constitutions.ru/?p=403> (дата обращения: 03.05.2022).
8. Уголовный кодекс Республики Корея от 8 сентября 1953 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241816&subID=100098555,100098556,100098560,100098654,100098695> (дата обращения: 03.05.2022).

Защита прав человека и гражданина от коррупционных действий органов государственной власти в Российской Федерации

© Иванова Ю. Б., 2022

Ю. Б. Иванова

Студентка 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: ivanovaeg2003@yandex.ru

Научный руководитель:

О. В. Костюнина, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: mayolgak@mail.ru

Аннотация. Рассматривается явление коррупции в системе органов государственной власти как фактор, нарушающий права человека и гражданина. Акцентируется внимание на несовершенстве антикоррупционного законодательства. Определяется роль и значение антикоррупционной экспертизы.

Ключевые слова: права человека и гражданина, коррупция, антикоррупционное законодательство, коррупционные правонарушения, органы государственной власти, антикоррупционная экспертиза.

В российском законодательстве существуют дефекты, которые оказывают несоразмерное негативное воздействие на реализацию прав человека и гражданина и связаны с коррупционными рисками. Стоит отметить, что не столько дефекты законодательства порождают коррупцию, сколько сама коррупция со стороны органов публичной власти приводит к их возникновению и проявлению. Несовершенство антикоррупционного законодательства, наличие коллизий и пробелов, юридико-технических дефектов создают свободу правоприменительного усмотрения, предпосылки возможного злоупотребления правом в деятельности органов публичной власти со стороны как государственных и муниципальных служащих, так и лиц, замещающих государственные и муниципальные должности.

Анализируя этот вопрос, необходимо сделать акцент на проблеме отсутствия единой трактовки понятия коррупции в правовых актах. В связи с этим в нормативных правовых документах используются абстрактные описания, почти не отражающие сущности этого системного социального явления и не предопределяющие пределы его проявления. Наличие нормативных и технико-юридических дефектов приводит к существенным нарушениям, связанным с применением правовых норм, которые регулируют различные сферы общественных отношений, а дефекты правоотношений и юридических фактов чаще бывают поводами для судебных споров [1, с. 4].

Одной из наиболее острых проблем на сегодняшний день системы органов государственной власти в России остается коррупция. Искоренение коррупции в соответствии с Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» признано национальным интересом. Одновременно

в названном указе отмечается, что в условиях сложной социально-экономической обстановки увеличивается потребность государства, общества в усилении борьбы с коррупцией. Целью реализации государственной политики в сфере обеспечения общественной и информационной безопасности является прежде всего защита конституционных прав человека и гражданина [2]. Кроме того, ранее Президентом РФ в Указе от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» обращено внимание на то, что высокий уровень коррупции в экономической сфере является ведущей угрозой экономической безопасности [3]. Особого внимания заслуживает принятый Президентом РФ Указ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе...», в котором установлены цель создания, основные задачи, структура и порядок работы государственной информационной системы «Посейдон». Эта система создана для информационно-аналитического обеспечения деятельности органов власти и организаций по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе по проведению с использованием информационно-коммуникационных технологий анализа и проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых распространены такие ограничения, запреты и требования [4].

В Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения

вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение этих деяний от имени или в интересах юридического лица» [5]. Вместе с тем в других нормативных актах, например в неопубликованном приказе Минэкономразвития России от 11.03.2020 № 130 «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации», коррупция рассматривается как «взятки, дискриминация и предоставление преференций отдельным участникам на заведомо неравных условиях». Любопытным представляется понимание коррупции, данное в посланиях Президента Федеральному Собранию, где говорится, что это не только криминальная проблема, она порождается прежде всего сохранившимися возможностями командовать экономикой, вялостью контроля, сбоями в работе правовой системы. Ее причинами являются низкое гражданское самосознание, стереотипы двойной морали: люди охотно поддерживают публичные обличения в коррупции, но для решения собственных проблем не гнушаются принять «правила игры», навязываемые им коррупционерами. Президент также подчеркивает, что это враг «номер один» для свободного, демократического и справедливого общества. Следует особо сказать про международный договор, такой как Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, в котором коррупция названа уже не локальной проблемой, а транснациональным явлением, которое затрагивает общество и экономику всех стран, а также прямо угрожает реализации прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, изучение различных правовых актов позволяет заключить, что в Федеральном законе рассматривается понятие коррупции через перечисление конкретных видов правонарушений без акцента на последствия данного негативного явления, тогда как в других говорится, что это проблема, уже переросшая в межнациональное явление, которое охватывает все сферы общественной жизни. Нельзя не согласиться с Президентом РФ в том, что коррупция является врагом «номер один» и препятствует развитию демократического государства, поскольку она присуща всем странам независимо от их экономического развития и различается лишь своими масштабами.

Защита прав человека и гражданина от коррупционных действий органов государственной

власти опирается на систему нормативно-правового регулирования. На всех уровнях власти разработано и принято законодательство, всецело соответствующее федеральным нормам и международным стандартам; реализуются программы противодействия коррупции; проводится антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов.

Российское законодательство предусматривает юридическую ответственность должностных лиц за коррупционные правонарушения. Так, граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством. Каждый вид ответственности предполагает специальные условия, которые определяют характер совершенных правонарушений, вызвавших соответствующие негативные последствия. Рассмотрим некоторые их особенности.

Так, уголовная ответственность, предусмотренная нормами УК РФ, подлежит применению в судебном порядке. Административная ответственность установлена КоАП РФ, в котором содержится около двадцати составов коррупционных административных правонарушений, и применяется не только к физическим, но и к юридическим лицам. Гражданско-правовая ответственность подразумевает применение к правонарушителю мер воздействия, влекущих неблагоприятные последствия, выражающиеся, как правило, в возмещении убытков. И, наконец, дисциплинарная ответственность, применяемая только к физическим лицам, заключается в наложении дисциплинарных взысканий [6, с. 23–25]. Наиболее эффективным, на наш взгляд, видится применение уголовной ответственности, поскольку предусмотренные ею меры воздействия на лицо, совершившее коррупционное правонарушение, носят действенный, предупредительный характер. Они способны минимизировать коррупционные деяния.

Кроме того, в целях выявления и устранения коррупциогенных факторов нормативных правовых актов как предпосылок коррупционного поведения должностных лиц и вследствие этого ведущих к нарушению прав человека используется антикоррупционная экспертиза. Так, институты гражданского общества и граждане могут проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов. Необходимо подчеркнуть, что целями создания института независимой антикоррупционной экспертизы ставятся усиление общественного контроля за органами власти, реализация принципа публичности работы государственных

органов [7]. Полагаем, что приведенные меры профилактики коррупции способствуют выявлению коллизий и пробелов в законодательстве, повышению качества нормативных правовых актов на этапе их проектирования, что должно явиться фактором снижения коррупционных рисков.

Подытоживая изложенное, следует отметить, что исследуемое негативное явление приводит к снижению качества жизни людей, торможению динамики экономического развития, способствует процветанию преступности и терроризма, а также снижению эффективности деятельности государственных органов [8, с. 46]. Коррупция наносит значительный вред конституционным правам и свободам человека и гражданина, поскольку различные формы коррупционного поведения со стороны должностных лиц государственной власти существенно ущемляют возможности общества в полной мере осуществлять свои права [9, с. 43].

В таких обстоятельствах, когда коррупция распространяется в органах государственной власти, говорить о развитии всего общества довольно трудно. Поскольку коррупция является одним из составляющих функционирования государственной власти, порождая отрицательные последствия, влияющие на качество государственного управления; доверие населения к органам власти и надежда на справедливость, несомненно, разрушаются.

Рассмотрим примеры из судебной практики, подтверждающие нарушение прав человека и гражданина. В 2016 г. вынесен обвинительный приговор по уголовному делу о получении взятки лично в виде денег в крупном размере старшим государственным лесным инспектором, являющимся представителем власти и должностным лицом, постоянно осуществляющим в исполнительном органе государственной власти организационно-распорядительные функции в Осинском лесничестве. Он совершил незаконные действия, выразившиеся в сокрытии факта нелегальной заготовки древесины, непринятии входящих в его должностные обязанности мер ответственности в случаях выявления совершенных правонарушений, таких как согласование и подписание им лесной декларации с вложенным в нее листом, содержащим недостоверные сведения о разрешении проведения рубки лесных насаждений на арендованных лесных участках, законных оснований для которой не имелось. Таким образом, данные действия следует считать нарушением права каждого человека на благоприятную окружающую среду [10].

Так, например, приговором Кировского районного суда г. Иркутска от 28 марта 2011 г. государственный инспектор по маломерным судам,

являясь представителем власти, признан виновным по факту совершения коррупционного правонарушения в виде использования должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы из корыстной заинтересованности, что повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства. Кроме того, совершил получение взятки за незаконные действия, а также подстрекательство к использованию своих служебных полномочий [11].

Коррупция развивается и видоизменяется под воздействием различных факторов политического, экономического, национального характера. Ее общие и специфические черты заставляют говорить о том, что это неблагоприятное явление стоит рассматривать как признак любого общества, обладающего цивилизованной бюрократической системой. Коррупция не только существенно замедляет развитие любого государства, но и противодействует процессам внедрения в международную экономику и в целом портит репутацию государства.

С учетом указанного можно сделать вывод, что коррупционные правонарушения усложняют надлежащее функционирование всех сфер общественной жизни, препятствуют социально-экономическому, политическому и культурному развитию государства. Следовательно, в настоящее время главной задачей на государственном уровне является противодействие коррупции. Для того чтобы усовершенствовать правовую основу, необходимо снизить уровень коррупции во всех сферах управления посредством ужесточения контроля за деятельностью органов государственной власти.

В реалиях сложного экономического и политического момента в мире и в России актуализируется необходимость включения защитных антикоррупционных механизмов для граждан и юридических лиц при осуществлении ими предпринимательской деятельности. Пока антикоррупционное законодательство не пришло к ожидаемым результатам по профилактике коррупционных правонарушений. Представляется, что коррупция развивается лишь при отсутствии желания бороться с ней, а также при условии нестабильного антикоррупционного законодательства и невероятного размаха бюрократизации. Для успешной реализации возложенных на государство задач необходимо проводить согласованную работу со всеми субъектами антикоррупционной политики. И в дополнение к ранее сказанному обратим внимание на то, что одним из важных критериев оценки антикоррупционной деятельности должна быть эффективность реализации конституционных прав человека и гражданина.

Список литературы

1. Кожокаръ И. П. Несовершенство правового регулирования как стимулирующий фактор коррупционных преступлений // Юридическая наука. 2019. № 9. С. 3–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesovershenstvo-pravovogo-regulirovaniya-kak-stimuliruyuschiy-faktor-korrupsionnyh-prestupleniy>. (дата обращения: 30.03.2022).
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации (вместе с Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон») : указ Президента РФ от 25 апр. 2022 г. № 232 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (действ. ред.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Правовое регулирование противодействия коррупции в Российской Федерации : учеб. пособие / под ред. А. Н. Артамонова, Р. В. Бушманова, А. А. Никитиной. Ростов н/Д : Изд-во ВГУЮ (РПА Минюста России) Ростовского института (филиала), 2021. 163 с.
7. Антикоррупционная экспертиза как предупредительный инструмент в системе антикоррупционных мер // Администрация г. Ульяновска. URL: <https://ulmeria.ru/ru/node/84931> (дата обращения: 29.03.2022).
8. Дроботова Н. А. Влияние коррупционного поведения на права человека // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 3. С. 45–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-korrupsionnogo-povedeniya-na-prava-cheloveka>. (дата обращения: 31.03.2022).
9. Варфоломеева Н. П. Борьба с коррупцией как способ обеспечения эффективности реализации конституционных прав и свобод граждан // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 4. С. 42–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korrupsiey-kak-sposob-obespecheniya-effektivnosti-realizatsii-konstitutsionnyh-prav-i-svobod-grazhdan>. (дата обращения: 30.03.2022).
10. Приговор Октябрьского районного суда г. Иркутска от 28 апреля 2016 года по делу № 1-15/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AEpbNKOjmWVk/?regular-txt> (дата обращения: 30.03.2022).
11. Приговор Кировского районного суда г. Иркутска от 28 марта 2011 года по делу № 1-141/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PvY4sYZjXqUb/?page> (дата обращения: 31.03.2022).

Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, и отграничения его от других составов

© Калабина Е. А., 2022

Е. А. Калабина

Магистрант 1-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: elizaveta.kalabina@yandex.ru

Научный руководитель:

Р. В. Кравцов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kravtsov. r. v@gmail. com

Аннотация. Освещены спорные вопросы разграничения убийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ, и смежных составов преступления, а также некоторые проблемы, возникающие на практике при квалификации действий, предусмотренных ст. 106 УК РФ.

Ключевые слова: убийство новорожденного, специальный субъект, квалификация, аборт, понижение возраста уголовной ответственности.

Законодательство большинства стран мира, в том числе Российской Федерации, определяет преступления против жизни и здоровья людей как наиболее тяжкий вид преступлений, ответственность за которые намного строже. В связи с этим при разработке и планировании УК РФ законодатель установил главенство статей, предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья, в первой главе Особенной части. Помимо уголовного законодательства, руководящий закон нашего государства – Конституция РФ и нормы международного права также провозглашают права и свободы любого человека как высшую ценность. В соответствии со ст. 3 Всеобщей декларации прав человека каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность [1]

Так, согласно данным официальной статистики, в 2021 г. за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ, осуждено 29 матерей, 11 из которых лишены свободы [7]. Примечательно, что с 2016 по 2021 г. ни одна мать, осужденная по данной статье, не была оправдана. Цифры статистики не выглядят катастрофически большими, однако это объясняется тем, что данный вид преступлений характеризуется высокой степенью латентности.

Преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ, входит в группу наиболее жестоких преступлений, в связи с тем что потерпевшим является новая и незащищенная человеческая жизнь, а субъектом преступления оказывается человек, который произвел на свет эту жизнь и по закону обязан оберегать и защищать ее.

В качестве субъекта исследуемого преступления может быть лицо женского пола, которое достигло возраста уголовной ответственности, т. е. 16 лет. Выходит, что до достижения 16 лет мать,

убивая своего новорожденного ребенка, привлечению к уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ не подлежит. Полагаем, что такая позиция законодателя является несправедливой и необоснованной, ввиду того что детородный возраст молодых девушек начинается далеко не с 16 лет и об этом свидетельствуют не только медицинские показатели. В последнее время отмечается снижение возраста, в котором молодые девушки становятся родителями. Устанавливая ответственность по ст. 106 УК РФ, которая может наступить только с 16 лет, законодатель, вероятнее всего, руководствовался тем, что девушки в более раннем возрасте не могут осознавать в полной мере значимость материнства, а также тяжести противозаконных деяний, которые они могут совершать в отношении своих детей. Но на наш взгляд, необходимо понижение возраста уголовной ответственности в целях защиты в первую очередь потерпевших – новорожденных детей от преступных посягательств родителей независимо от возраста последних. Более того, необходима не только защита новорожденных детей как незащищенных объектов посягательства, но и должное восстановление социальной справедливости.

Также хотелось бы отметить, что понижение возраста уголовной ответственности не приведет к искоренению данного вида преступления, так как количество совершаемых матерью убийств своего новорожденного ребенка зависит от эффективности принимаемых государством мер по защите и поддержке молодых матерей.

В России сложились множественные стереотипы о том, что ранняя беременность подростков является нежелательной, способной усложнить и испортить им жизнь и даже что жизнь подростка может попросту закончиться с рождением ребенка. Именно на искоренение такого рода сте-

реотипов должно быть направлено влияние государства, молодые мамы должны чувствовать уверенность и поддержку, и только тогда их психическое состояние будет стабильным, а мысли об убийстве своего ребенка вообще не смогут возникнуть в голове молодой девушки, ожидающей или только что родившей ребенка.

Кроме того, возникают споры о возможности привлечения к ответственности за убийство новорожденного суррогатной матери, так как некоторые авторы полагают, что юридически она уже не является его матерью, только биологически. Некоторые исследователи и практики даже предлагают внести изменения в ст. 106 УК РФ и определить в качестве субъекта данного преступления не мать, а «роженицу» [9, с. 140]. Полагаем это предложение абсурдным и не подлежащим воплощению в жизнь, потому как в ст. 106 УК РФ законодатель определяет мать как биологического родителя и как субъекта, который родил ребенка. Не имеет значения предположение о том, кто мог бы в дальнейшем воспитывать новорожденного ребенка и документально являться его родителем. Важно то, что его родила конкретная мать, она же его и убила.

Субъект преступления, указанный в ст. 106 УК РФ, является специальным, так как им может быть лицо исключительно женского пола, помимо этого, женщина должна быть биологической матерью новорожденного, которого убивает. Третьим условием специального субъекта будет выступать вменяемость матери, так как невменяемость исключает уголовную ответственность [8, с. 67].

Множество споров вызывают положения уголовного закона относительно совершения убийства новорожденного ребенка в соучастии, когда само убийство путем действий или бездействия совершает третье лицо, но по поручению матери. В таком случае мать новорожденного будет отвечать по ст. 105 УК РФ, которая предусматривает более строгое наказание. Тогда не совсем понятно, почему, реализовав убийство своего ребенка собственными руками, женщина подлежит наказанию по более «мягкой» ст. 106 УК РФ. В данной связи, по нашему мнению, необходимо отнести соучастие матери в убийстве своего новорожденного ребенка к привилегированному составу при условии возникновения преступного замысла в момент или после родов, поскольку именно они вызывают психотравмирующую ситуацию для женщины.

Также необходимо отметить, что если мать новорожденного совершит его убийство совместно с третьим лицом (в соисполнительстве), то ее действия будут квалифицированы также по ст. 106 УК РФ, но со ссылкой на ст. 63 УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства. Третье лицо

будет привлечено в таком случае по ст. 105 УК РФ, а именно п. «в» ч. 2 (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека), так как оно не является биологической матерью ребенка, а значит, не является специальным субъектом. Каждый из соисполнителей несет персональную ответственность за убийство новорожденного по конкретной статье УК РФ.

Будут нести ответственность и подстрекатели, которые вынуждали и подговаривали мать к убийству ее новорожденного ребенка. Их ответственность также находится в рамках ст. 105 УК РФ, но со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Так, например, отец ребенка, не желавший его рождения и не желающий его воспитывать, может подговорить мать ребенка на его убийство, при этом он не будет своими действиями или бездействием убивать ребенка, но к ответственности будет привлечен в любом случае.

Убийство матерью новорожденного ребенка имеет сходство с некоторыми другими составами преступлений, предусмотренными УК РФ. Так, например, необходимо отличать преступление, регламентированное ст. 106 УК РФ, от убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). В данном случае близки категории «аффект» и «психотравмирующая ситуация», «психическое расстройство». Состоянием аффекта называется состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, которое вызвано насилием, издевательствами или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Из этого определения вытекает, что состояние аффекта не может возникнуть при совершении убийства новорожденного ребенка, так как с его стороны невозможны издевательства, аморальное поведение, т. е. все, что может вызвать у матери такую реакцию [5, с. 12]. На практике возможна лишь ситуация, когда мать совершает убийство новорожденного ребенка из-за систематических издевательства со стороны третьего лица, например отца ребенка.

Тем не менее при совершении действий в состоянии аффекта причинитель вреда желает вреда непосредственному объекту агрессии.

На практике возникают вопросы, касающиеся того, когда деяния женщины можно квалифицировать по ст. 106 УК РФ, а когда по ст. 109 УК РФ. Так, в случае неосторожного причинения смерти новорожденному ребенку женщина должна отвечать за неосторожное причинение

смерти, предусмотренное ст. 109 УК РФ, потому как диспозиция ст. 106 регламентирует преступление, которое может быть совершено только умышленно, но не по неосторожности. В случае неосторожного причинения смерти подлежит вменению ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности).

Также подлежат явному разграничению составы ст. 125 и 106 УК РФ. Первая регламентирует оставление в опасности, в то время как убийство новорожденного, совершенное даже путем бездействия, не может быть квалифицировано по ст. 125, так как объектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, выступает жизнь ребенка, в то время как в ст. 125 УК РФ объектом выступает безопасность жизни и здоровья. Также в ст. 125 в качестве беспомощного состояния названо малолетство, но понятия «новорожденный» и «малолетний» совершенно разные, ведь новорожденным ребенком является только первый месяц жизни до адаптации к условиям окружающей среды [6, с. 10].

Довольно часто исследуются сходные составы преступлений, предусмотренные ст. 105 и 123 УК РФ. Исходя из норм ст. 53 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», совершить убийство во время родов возможно только в тот момент, когда новорожденный ребенок полностью будет извлечен из тела матери, т. е. когда плод будет являться самостоятельным объектом убийства [3]. Данный документ устанавливает началом жизни ребенка момент отделения его тела от тела матери в процессе родов.

Если же плод находится в утробе матери, он не является самостоятельным объектом, и в таком случае его умышленное уничтожение по просьбе матери будет квалифицировано по ст. 123 УК РФ, норма которой определяет такой состав убийства, как незаконное проведение искусственного прерывания беременности [2]. Если мать убивает ребенка во время родов (прохождения ребенка по родовым путям) или сразу после них (если ребенок отделился от утробы матери), то деяние квалифицируется по ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка).

Если убийство нерожденного ребенка происходит без инициативы матери и в момент, когда плод еще не вышел полностью из ее организма, то квалификация данного деяния представляет большие трудности. Абсолютно понятно, что преступные действия являются не абортom, а убийством. Возникают сложности с определением, является ли данное убийство окончанным

или это покушение на него. Для верной квалификации потребуется заключение судебно-медицинской экспертизы о том, что ребенок был жив или, напротив, мертв в момент совершения посягательства [4, с. 287]. Если экспертизой установлено, что ребенок был жив, в таком случае причинение ему смерти должно квалифицироваться как убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. Если же ребенок уже был мертв, посягательство квалифицируется как покушение на негодный объект.

Многие исследователи обращают внимание на то, что ст. 106 УК РФ не содержит части, предусматривающей наказание за убийство двух и более младенцев. Спорным также остается вопрос о том, можно ли квалифицировать данные деяния по той части, в которой установлена ответственность за лишение жизни одного новорожденного, ведь общественная опасность возрастает. Несмотря на то что на практике чаще возбуждаются дела по ст. 106 УК РФ об убийстве матерью одного новорожденного, законодателю необходимо предусмотреть ответственность за совершение указанных деяний в отношении двух и более новорожденных. Так, например, возможна ситуация, когда женщина, родив близнецов, двойняшек, тройняшек и т. д., желает причинить смерть всем своим детям.

В литературе часто обсуждается вопрос о том, стоит ли применять ст. 106 УК РФ, содержащую в себе смягчающее обстоятельство, в том случае, если у женщины умысел на убийство возник раньше начала родовой деятельности, ведь норма статьи указывает на то, что психическое расстройство должно было наступить в период непосредственно родовой деятельности. Этот вопрос пока не нашел точного разрешения, на практике большинство таких дел квалифицируют по ст. 106 УК РФ.

В заключение можно отметить, что состав преступления, предусмотренный ст. 106 УК РФ, содержит множество неточностей, которые на практике вызывают сложности с правильной квалификацией и интерпретацией данного преступления. В контексте понижения возраста уголовной ответственности с целью защиты новорожденных необходимо также поднимать вопрос о социальной работе с потенциальными матерями, находящимися еще в подростковом возрасте, так как одна их юношеская ошибка способна привести к двум загубленным жизням – новорожденного и осужденной в раннем возрасте матери.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1998.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.12.1996 № 63-ФЗ: (ред. от 17.03.2022) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 08.03.2022) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 48.
4. Авдеев М. И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц: руководство для судебно-медицинских экспертов и врачей других специальностей / под ред. В. В. Томилин. М. : Медицина. 1968. 376 с.
5. Авилова Л. Д. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) // Евразийский союз ученых. 2020. № 4–10 (73). С. 10–15.
6. Дядюн К. В. К вопросу о критериях состояния новорожденности применительно к составу ст. 106 УК РФ // Пенитенциарная наука. 2014. № 2 (26). С. 10–12.
7. Комплексный анализ состояния преступности в РФ и расчетные варианты ее развития. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23163626/?ysclid=l15zw6b2pl> (дата обращения: 25.03.2022).
8. Плаксина Т. А. Наказание за убийство матерью новорожденного ребенка // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 67–79.
9. Сивова А. В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и разграничения смежных составов преступлений // Молодой ученый. 2021. № 44 (386). С. 139–142.

Конфликт между правом на свободу выражения мнения и правом на неприкосновенность частной жизни при распространении в СМИ сведений о личной жизни лица

© Кравцова Е. Р., 2022

Е. Р. Кравцова

Студент 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kravts.katya88@yandex.ru

Научный руководитель:

А. В. Колосов, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: lex. x@mail.ru

Аннотация. Анализируется природа конфликта прав человека, гарантируемых Европейской конвенцией по правам человека: права на свободу выражения мнения и права на уважение частной жизни, который возникает в случае освещения журналистами частной жизни лиц. Рассматривается фактор наличия/отсутствия общественного интереса, влияющий на решения Европейского суда по правам человека при рассмотрении им дел о нарушении неприкосновенности частной жизни.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, свобода выражения мнения, средства массовой информации, общественный интерес.

Декларация о средствах массовой информации и правах человека Парламентской ассамблеи Совета Европы 1970 г. определяет неприкосновенность частной жизни как право вести свою жизнь по собственному усмотрению при минимальном постороннем вмешательстве в нее [1].

Г. Ю. Арапова в своей работе «Освещение частной жизни в СМИ» высказывает мнение о том, что термин «частная жизнь» может включать в себя следующие аспекты: имя человека и его изображение, состояние здоровья, имущественное положение, семейные отношения, интимные отношения, установление и развитие отношений с другими людьми, профессиональную и деловую активность, самоидентификацию личности и личное развитие человека и др. По словам автора, перечень элементов не является закрытым, так как границы частной жизни – достаточно гибкое понятие и в зависимости от определенных обстоятельств частная жизнь способна включать в себя и иные элементы [2].

Право на неприкосновенность частной жизни труднее определить и классифицировать, чем иные права, известные современному международному праву. Так, выделяются четыре основные, так называемые грани этого права: физическая и психическая неприкосновенность человека, его информационная приватность, а также приватность коммуникаций и территориальная неприкосновенность [Там же].

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) трактует право на неприкосновенность частной жизни как право на то, чтобы жить в соответствии со своими желаниями, будучи защищенным от придания этой жизни гласности.

Неприкосновенность частной жизни включает в себя «личные» и «профессиональные»

тайны, а также неприкосновенность жилища, свободу перемещения, тайну переписки, телефонных переговоров и иной корреспонденции и многие другие права человека [2].

Журналисты формируют информационное поле, в котором функционирует окружающий мир, информация – это «хлеб», благодаря которому существуют представители данной профессии. Достаточно часто право на неприкосновенность частной жизни нарушается ими, когда, публикуя материалы в средствах массовой информации, они вторгаются в частную жизнь лица.

Журналисты имеют право на выражение своего мнения, что регламентировано ст. 10 Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ). При этом журналисты получают и распространяют информацию о людях, и, следовательно, автоматически включается и ст. 8 ЕКПЧ, которая гарантирует каждому право на неприкосновенность его частной и семейной жизни, его жилища и корреспонденции. Таким образом, любой представитель данной профессии с первой секунды работы попадает в конфликт этих статей.

ЕКПЧ рассматривает свободу выражения мнения как свободу обсуждать действия властей или вопросы, живо интересующие общество (общественная сторона), а также как основу самореализации каждого человека (частная сторона) [3].

Почему важно иметь свободу выражать мнение? Этому придается немалое значение по причине того, что она считается основополагающей свободой для обеспечения функционирования демократии в государстве в целом. ЕСПЧ подчеркивает, что свобода выражения мнения является одной из фундаментальных основ (демократического) общества и одним из основных условий его

развития и самосовершенствования каждой личности. Данное право обеспечивает свободное распространение идей и в том числе помогает призвать органы власти к ответу.

При обсуждении данного права необходимо обратить внимание на классификацию прав на абсолютные и ограниченные. Примером абсолютных прав являются, например, право на свободу вероисповедания или право на свободу от пыток. Как известно, свобода выражения мнения не является абсолютным правом, а значит, может быть ограничено по ряду причин (для защиты репутации других лиц и др.). Однако ограничение допускается только в случаях, когда это прямо разрешено законом.

Согласно рекомендациям ЕСПЧ, процедура ограничения права на свободу выражения мнения предусматривает использование «тройственного критерия».

Во-первых, любое ограничение должно быть предписано законом, т. е. для введения ограничения в качестве закона оно обязательно должно быть доведено до сведения общественности и сформулировано с достаточной степенью четкости, чтобы дать каждому отдельному индивиду возможность регулировать свое поведение в соответствии с ним.

Во-вторых, ограничение должно преследовать законную цель, указанную в международных документах по правам человека. Так, например, ч. 2 ст. 10 ЕКПЧ называет семь таких целей. При возможном ограничении свободы выражения мнения лишь они могут выступить в качестве допустимых оснований для этого.

В-третьих, введение ограничения должно быть обязательно необходимым для достижения обозначенной цели. Для определения необходимости введения ограничения «в демократическом обществе» ЕСПЧ учитывает интересы общественности. Если ограничение доступа к информации производится в интересах общественности, то нужно продемонстрировать, что распространение такой информации «совершенно точно» повредило бы законной цели, установленной ст. 10 ЕКПЧ [4].

Помимо ограничения данного права как такового, опасность представляет так называемый *chilling effect* – «сдерживающий эффект». Его можно определить как препятствование законному осуществлению прав под угрозой юридической ответственности. Таким образом, охлаждается пыл тех журналистов, которые при других обстоятельствах могли бы провести журналистское расследование, озвучить какие-либо проблемы, но, зная о наказании, которое было наложено на других коллег за аналогичные действия, воздерживаются от этого.

О ком чаще всего незаконно разглашают информацию? Во-первых, о публичных людях (селебрити), государственных и муниципальных служащих, депутатах и т. п. Во-вторых, о людях, как обвиняемых в совершении преступлений, так и потерпевших от преступлений. Также о детях, душевнобольных людях и об участниках частных конфликтов или скандалов.

Для того чтобы распространять в СМИ информацию о частной жизни какого-либо лица, необходимо быть уверенным, что она представляет общественный интерес, так как право общества получать информацию по вопросам общественной значимости перевешивает право индивида на защиту его частной жизни.

Российское законодательство и законодательство европейских стран не раскрывает понятия «общественный интерес». Согласно п. 5 Кодекса профессиональной этики российского журналиста только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека [5].

Верховный Суд РФ постановил, что к общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребности общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде [6]. Общественный интерес нельзя приравнивать к общественному любопытству (куда включаются, например, сведения о частной жизни звезд шоу-бизнеса).

На конкретных примерах из практики ЕСПЧ считаю важным разобрать проблему «общественного интереса».

Попытка частного лица совершить самоубийство не представляет общественного интереса. Так, ЕСПЧ в своем постановлении по делу «ПЭК против Соединенного королевства» (*Peck v. the United Kingdom*) признал, что имело место нарушение ст. 8 ЕКПЧ. В августе 1995 г. заявитель, находясь в состоянии депрессии, шел по улице с ножом в руке и попытался совершить самоубийство, перерезав сосуды на запястьях. В тот момент он не догадывался, что его действия снимала городская камера видеонаблюдения, установленная перед перекрестком. Некоторое время спустя средства массовой информации публично показали и выпустили в эфир отснятый видеоматериал, подписав его: «Кризис миновал – сотрудничество замкнутой телевизионной системы наблюдения и полиции предотвращает потенциально опасную ситуацию» и иными лозунгами. При этом на снимках лицо заявителя не было специально замаскировано, по этой причине он несколько раз выступал в СМИ против публикации

данного материала. ЕСПЧ, с одной стороны, отметил характер и серьезность вмешательства в частную жизнь заявителя, а с другой – признал сильную заинтересованность государства в выявлении и профилактике правонарушений. Тем не менее ЕСПЧ подчеркнул, что имелись и иные варианты возможных действий для достижения тех же целей. Во-первых, можно было бы установить личность заявителя, запросив об этом полицию, и таким образом заручиться его согласием, прежде чем открывать доступ к материалу. В качестве альтернативы можно было замаскировать лицо заявителя в кадрах. Соответственно, ЕСПЧ посчитал, что придание огласке отснятого видеоматериала и публикация его в СМИ не сопровождались достаточными защитными мерами, направленными на предотвращение раскрытия информации, противоречащей гарантиям, обеспечивающим уважение частной жизни заявителя, содержащимся в ст. 8 ЕКПЧ. Открытие доступа к материалу было несоразмерно цели, и, следовательно, имело место неоправданное вмешательство в личную жизнь граждан и нарушение ст. 8 ЕКПЧ [7].

В другом примере уже имеется общественный интерес, который проявляется в обсуждении вопросов, касающихся исполнения политическими деятелями своих функций. По делу «Принцесса Ганноверская против Германии» (*Von Hannover v. Germany*) заявительница – старшая дочь князя Монако Ренье III – с начала 1990-х гг. пыталась, зачастую через суд, предотвратить публикацию в бульварной прессе ряда европейских стран фотографий, касающихся ее частной жизни. Было опубликовано три серии фотографий, в последней заявительница запечатлена в пляжном клубе Монте-Карло в купальнике завернутой в полотенце. Фото демонстрируют, как заявительница спотыкается о препятствие и падает на землю. Изображения были весьма размытыми и сопровождалась статьей под названием «Князь Эрнст Август хвастался, а принцесса упала в грязь лицом». Чтобы определить предоставляемый ст. 8 ЕКПЧ объем защиты от произвольного вмешательства органов государственной власти, Европейская комиссия по правам человека рассматривала, относятся ли фотографии к частной или публичной сфере и предназначены ли полученные таким образом материалы для ограниченного использования или они, вероятно, будут доступны неограниченному кругу лиц. Не вызывает сомнений, что публикация различными немецкими журналами фотографий повседневной жизни заявительницы, одной или с другими людьми, является нарушением ее частной жизни. ЕСПЧ считал также важным, что, хотя, строго говоря, настоящая жалоба касается только публикации фотографий и статей различными немецкими журналами, нельзя не принимать во внимание обстоятельства, при которых были сделаны

эти фотографии, а именно: без ведома и согласия заявителя и в результате преследования, которому подвергаются многие публичные лица в своей повседневной жизни. На основании этого ЕСПЧ также считал, что имело место нарушение ст. 8 ЕКПЧ [8].

Таким образом, как указывает ЕСПЧ, решающим фактором при установлении баланса между защитой частной жизни и свободой выражения мнения должен являться вклад, который опубликованная в СМИ информация вносит в обсуждение, представляющее интерес для общественности.

В приведенных примерах видно, что публикации не внесли такой вклад, так как фотографии, статьи и репортажи освещали исключительно частную жизнь заявителей. Статья 10 ЕКПЧ не защищает, когда свободой слова злоупотребляют при распространении непристойных фото- и видеоматериалов, особенно с участием несовершеннолетних, так как есть повод говорить о необоснованном вторжении в частную жизнь людей.

Более того, в подобных делах ЕСПЧ приходит к выводу, что у общественности нет правомерного интереса в получении информации о том, где находятся заявители и как они обычно ведут себя в частной жизни, даже если они появляются в местах, которые не всегда можно назвать уединенными, и несмотря на тот факт, что заявитель может быть хорошо известен общественности.

Даже если у общественности есть такой интерес, как есть, например, коммерческий интерес журналов в публикации этих фотографий или статей, в подобных делах эти интересы должны, с точки зрения ЕСПЧ, уступить праву заявителя на эффективную защиту его частной жизни.

Несмотря на то что 15 марта 2022 г. Россия инициировала выход из Совета Европы и приняла решение о денонсации ЕКПЧ и иных международных актов, неприкосновенность частной жизни лиц защищается Конституцией РФ, рядом федеральных законов (например, ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 от 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и др.).

Законодательством Российской Федерации установлены не меньшие гарантии прав, чем ЕКПЧ, положения основных правовых актов Совета Европы нашли в нем отражение. Закон защищает право на физическую и психическую неприкосновенность лица, неприкосновенность жилища, личную и семейную тайну, информацию об имущественном положении лица, право на честь, достоинство, репутацию и доброе имя и рассматривает другие аспекты, входящие в понятие неприкосновенности частной жизни лица. Уже принятые ранее постановления ЕСПЧ будут также исполняться, если они не противоречат Конституции РФ.

Список литературы

1. Декларация о средствах массовой информации и правах человека (заключена 23 января 1970 г.) : Резолюция 428 (1970) относительно Декларации о средствах массовой информации и правах человека // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 13.
2. Освещение частной жизни в СМИ / авт.-сост. Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова, М. А. Ледовских. 2-е изд., исп. и доп. Воронеж : Элист, 2010. 114 с. (Справочная серия. Юристу и руководителю СМИ).
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.
4. Карвер Ричард. Свобода выражения мнений, законодательство о средствах массовой информации и диффамации. Oxford Brookes University, 2016. 78 с.
5. Кодекс профессиональной этики российского журналиста : принят Решением Конгресса журналистов России от 23 июня 1994 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901854413?section=text> (дата обращения: 07.04.2022)
6. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.
7. Peck v. the United Kingdom, application no. 44647/98, ECHR 2003
8. Von Hannover v. Germany, application no. 59320/00, ECHR 2004

Влияние цифровизации на гражданские правоотношения: актуальные вопросы теории и практики

© Першин Н. Д., 2022

Н. Д. Першин

Студент 2-го курса, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия, e-mail: Niki2512@mail.ru

Научный руководитель:

О. Г. Степаненко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия e-mail: ols-terp@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается состояние современного права в условиях распространения цифровых технологий. Анализируется влияние цифровизации на гражданское право. Отмечаются связанные с этим новым понятием тенденции развития институтов гражданского права и правового регулирования соответствующих отношений в информационной сфере. Формулируются проблемы и перспективы дальнейшего внедрения информационных технологий в российское гражданское судопроизводство. Разрабатываются рекомендации по совершенствованию действующего гражданского законодательства.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, цифровое право, технологии, электронное судопроизводство, электронное правосудие, гражданское право.

В российском законодательстве не используется понятие «цифровизация». Однако под цифровизацией в общем случае понимают внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни общества и государства. Данный процесс уже успел оказать комплексное влияние на отрасли права, включая гражданское право.

Правительство РФ и уполномоченные органы разрабатывают и внедряют меры по цифровизации правосудия. Начало информатизации судопроизводства положено на V Всероссийском съезде судей в ноябре 2000 г. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2002–2006, 2007–2011, 2013–2020 годы была призвана способствовать развитию отечественной судебной системы, в том числе ее информатизации. Напомню, что в 2017 г. была введена в эксплуатацию система «Электронное правосудие», позволяющая подать заявление в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде, приложить пакет документов, отслеживать движение дела.

Для регулирования гражданско-правовых отношений в цифровом пространстве традиционные гражданско-правовые институты и механизмы могут не работать.

На сегодняшний день в Гражданском кодексе РФ [1] закреплено такое понятие, как «цифровое право», представляющее собой совокупность электронных данных, которые удостоверяют авторское право, программное право, право цифровых денег, право цифровых споров, право доступа к данным и защиты при доступе и т. д. (ст. 141.1). Законодательная инициатива получилась спорной и до сих пор вызывает ряд вопросов, касающихся установления в нормативных актах базовых понятий цифрового права, «поскольку

они еще не являются устоявшимися не только в науке и юриспруденции, но и в экономике» [2].

Целесообразно указать некоторые направления деятельности, где уже не первый год складываются правоотношения с использованием цифровых технологий.

Во-первых, это интернет-сайты и веб-страницы. В юридическом смысле интернет-сайт представляет собой совокупность информации, содержащейся в той или иной информационной системе и находящейся в распоряжении ее обладателя, т. е. лица, самостоятельно создавшего информацию либо получившего «на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам» [3]. Благодаря поиску, получению, распространению, потреблению информации возникают совершенно новые отношения, которые требуют иного правового регулирования.

Во-вторых, электронная торговля и электронный документооборот. Арбитражные управляющие и менеджеры, занимающиеся государственными закупками, в своей работе используют специализированные электронные площадки. Законы РФ позволяют заключить сделку путем обмена по электронной почте подписанными и сканированными версиями договоров, подпись на которых будет воспроизведена посредством копирования.

В-третьих, электронные услуги. Здесь речь идет об услугах по предоставлению контента (музыка, видео, электронных книг, компьютерных игр и т. д.) и о правах доступа к программам (справочно-правовым системам, базам данных, онлайн-играм, социальным сетям и др.).

В XXI в. объектом гражданских прав становятся всевозможные криптовалюты, электронные кошельки и деньги, криптографические печати, а также токены. Цифровизация законодательства позволит создать обширную нормативно-правовую базу, которая могла бы регулировать сферу электронных технологий и определять правовой статус вышеперечисленных явлений современности. Именно благодаря цифровизации появились новые формы реализации субъективных гражданских прав.

Цифровые технологии и информатизация затронули не только отрасли права, но и все разновидности судопроизводства. Сам термин «цифровое правосудие» часто употребляется в контексте таких понятий, как «электронное судопроизводство», «цифровизация судопроизводства», «онлайн-юстиция» и др.

В ГПК РФ [4] содержатся четыре группы норм: первая группа регламентирует подачу документов в суд в электронном виде, вторая касается аудиофиксации хода судебных разбирательств и внедрения видеосвязи, третья регламентирует направление участникам судебного процесса актов, извещений и иных документов в электронном виде, а четвертая обуславливает электронное взаимодействие со Службой судебных приставов [5, с. 196–202].

Как уже указывалось ранее, стало возможным представлять в суд документы как в традиционном бумажном варианте, так и в электронном виде, в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, что упрощает порядок подачи. Таким образом, право и информация зачастую неразрывно взаимосвязаны, особенно в области электронного документооборота, что лишь подтверждает постепенную цифровизацию права.

Можно сказать, что с развитием электронных технологий и внедрением их в судебную систему многие принципы гражданского судопроизводства не потеряли своей значимости, а лишь претерпели трансформацию в векторе эффективности [6, с. 5–7].

С целью ускорения темпов цифровизации автором предлагается проведение мероприятий по следующим направлениям: трансформация правоотношений, формирование новых правовых норм и правовых институтов гражданского права; адаптация действующих, а также создание

принципиально новых нормативных правовых актов, регламентирующих цифровое право; повышение уровня кибербезопасности; принятие мер по ориентированию общества на применение «цифры» и формированию доверия к ним; создание системы правового регулирования электронного гражданского судопроизводства; создание площадок для продвижения идей граждан, обеспечение эффективности правового воздействия (регулирования) с анализом и обобщением результатов опросов общественного мнения, заключений экспертов, правоприменительной практики и др.

Среди ученых, юристов и общественных деятелей нет единого мнения по поводу возможности допущения искусственного интеллекта к управлению правосудия. На данный момент подавляющее большинство правоведов традиционных юридических школ высказываются против электронного правосудия. Такая позиция объясняется общей недоработанностью законодательства в данной области, возможностью технических сбоев и утечки конфиденциальных данных.

Однако в научной среде находятся и сторонники цифровизации сферы права. Так, доктор юридических наук, профессор КФУ Д. Х. Валеев считает, что «быстрота работы с базой данных, эргономичность хранения, доступность судебной информации, выносимых судом актов для обширного круга юридической общественности и других пользователей положительно характеризуют данный способ осуществления правосудия» [7, с. 34–46]. На наш взгляд, практическое применение современных технологий для управления электронного правосудия обеспечит повышение качества судебных услуг, ускорит процесс судебных разбирательств, повысит прозрачность правосудия. На текущий момент электронное правосудие находится на этапе формирования и развития.

Истина, как правило, лежит между двумя полярными мнениями. Поэтому следует подходить к вопросам цифровизации правосудия весьма осторожно во избежание ошибок, а также нарушения прав граждан и организаций.

В заключение хотелось бы привести слова Президента РФ В. В. Путина: «Внедрение цифровых технологий во всех сферах – важнейшее условие прорывного развития страны».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Российская газета. 1994. № 238–239.
2. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632–7 // Консультант Плюс : справочно- правовая система.

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. 2006. № 165.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // Российская газета. 2002. № 220.
5. Анциперова А. И., Родионова В. С., Нестолий В. Г. Триалог об электронном «правосудии» в гражданском процессе // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 196–202.
6. Валеев Д. Х., Базилевских Е. В. Система нормативных регуляторов «электронного правосудия» // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 34–36.
7. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–7.

Е. Ф. Ремезова

Студентка 1-го курса, Институт культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий, Байкальский государственный университет, e-mail: qzpm34700@gmail.com

Научный руководитель:

И. А. Кузьмин, доцент кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, e-mail: grafik-87@mail.ru

Аннотация. Раскрываются понятия, непосредственно связанные с факторами, искажающими образ права в современном обществе. Приводятся примеры реальных судебных дел, анализируется влияние различных факторов на образ права.

Ключевые слова: правосознание, нормы права, общественные отношения, правовая культура, образ права.

В современном обществе позитивное право обеспечивает устойчивый порядок и сохранение оптимальных алгоритмов в поведении людей. Социально ориентированное право удовлетворяет важнейшие потребности людей, определяет границы и меру свободы, способствует решению проблем (споров и конфликтов), возникающих во взаимоотношениях отдельных лиц, групп.

Право, очевидно, имеет некий образ, который находит свое отражение в сознании каждого человека. А. Г. Белобородов определяет образ права как целостную, устойчивую систему практически не осознаваемых смысловых образований индивидуального или группового правосознания, сквозь призму которых происходят отражение и оценка объектов, явлений и процессов правовой реальности, формирование на этой основе соответствующих правовых или противоправных смысловых установок, опосредующих взаимодействие с ними, прогнозирование будущего поведения в юридически значимых ситуациях. Актуализация сформированного образа права предшествует восприятию и пониманию поступающей к субъекту правовой информации [1, с. 59].

Под воздействием многообразных факторов в процессе своей жизни человек выстраивает положительное либо отрицательное отношение к правовым положениям, что впоследствии может повысить эффективность правового регулирования либо снизить его. Соответственно, образ права, как ментальная составляющая в сознании человека, способен претерпевать различные трансформации, в том числе негативные. Искажение образа права является деформацией системы правовых установок и ценностей, девиации которой происходят в структуре правовой идеологии и психологии. Мы знаем, что уровень правовой культуры у жителей многих стран современного мира достаточно низок. При этом самые опасные искажения образа права чаще всего наблюдаются у молодежи в возрастном диапа-

зоне (приблизительно) от 16 до 28 лет. Последствиями упомянутых искажений может стать формирование антикультуры, ксенофобии, экстремизма и даже терроризма и коррупции.

О. О. Марова определяет образ права как отражение правовой действительности, впечатление, которое возникает в силу различных факторов [2, с. 2].

Искажение образа права является деформацией представлений и чувств, выражающих отношение человека к праву и правовым явлениям, и предполагает некий изначальный запас правовых по своей природе взглядов, знаний, установок, которые в силу различных причин превратились в какие-то иные, неправовые конструкции или остались правовыми лишь номинально или частично.

А. В. Кученев определяет правовое сознание как сумму эмоций, идей, знаний, воззрений, в которых выражается отношение человека к правовой действительности, оно может быть: рациональным, разумным и эмоциональным [3, с. 1]. Сознание человека через призму чувственных переживаний отражает правовую действительность и проявляется в сознании права. То есть образ права является одной из составляющих правосознания. Существуют виды деформации правосознания, такие как: правовой нигилизм, правовой инфантилизм и правовое перерождение. Эти явления оказывают отрицательное воздействие как на общество, так и на государство и возникают из-за недооценки роли права в определенных социальных группах, неинформированности населения в правовых вопросах, наличия пробелов в правовых знаниях и в нежелании их получить. Данная проблема широко распространена среди разных социальных групп населения: так, некоторые субъекты, вступая в судебные споры, не имеют представления о том, как проходит определенная процедура. Другим примером может служить неспособность гражданина в полной

мере реализовывать свои права в каких-либо ситуациях. Любой вид деформации правосознания будет негативно влиять на формирование правовой культуры и правовое восприятие граждан, так как нежелание получать новые знания ведет к деградации.

Необходимо отметить, что, помимо явлений, напрямую связанных с правом, существует также еще одно, пересекающееся с ним, – мораль. Она, как и право, выступает регулятором общественных отношений и определяет правила поведения в обществе. Но если эти понятия сравнивать, они окажутся крайне противоречивыми, потому что возникают так называемые стыки норм права и норм морали, что вызывает общественный резонанс и искажает образ права. Существует множество различий между данными понятиями, например: нормы права возникают вместе с государством, нормы морали возникают вместе с обществом; нормы права имеют письменную форму, а нормы морали содержатся в сознании людей.

Древнеримский философ Сенека по этому поводу утверждал: «Стыд запрещает то, чего не запрещают законы» [4], но есть жизненные ситуации, которые оцениваются с точки зрения как права, так и морали. Примером может послужить дело 34-летнего Владимира Санкина, который в драке убил Владимира Зайцева. Санкин защищал 10-летнего мальчика от изнасилования мужчиной, трижды судимым за подобные преступления. Коллегия присяжных признала Владимира виновным в убийстве рецидивиста, и суд приговорил его к 8 годам лишения свободы в колонии строгого режима по ст. 111 УК РФ. Это вызвало общественный резонанс, многие были на стороне обвиняемого и считали судебное решение несправедливым. Жители не только Республики Башкортостан, но и всей страны подписывали петиции, создавали определенные сообщества в социальных сетях, добивались пересмотра дела. Активная деятельность граждан привела к тому, что уголовное дело дошло до Верховного суда Республики Башкортостан, в ходе которого было пересмотрено, а срок сокращен до 6 лет [5; 6].

С точки зрения права поступок Владимира Санкина является преступлением, поскольку он убил человека. Но с моральной точки зрения мужчина заслуживает понимания, так как он действовал с целью защитить ребенка и предотвратить дальнейшие преступления сексуального характера. Несмотря на то что многие подписали петицию об оправдании Санкина, оправдательный приговор не был приведен в действие. Именно так и проявляется «стык» морали и права. Подобные ситуации могут способствовать искажению образа права в современном обществе, и, чтобы их предотвратить, нужно принимать необходимые меры по корректировке правовой системы и уголовного судопроизводства.

В качестве противоположного примера вышеописанному случаю можно привести дело Александра Зобенкова. Гражданин во время празднования дня рождения супруги, пытаясь защитить семью и гостей от троих враждебно настроенных мужчин, которые ворвались к нему домой и начали драку, нанес им удары ножом, что впоследствии привело к смерти налетчиков. Тверской областной суд постановил, что Александр действительно защищал свою жену и дочь, и отпустил Зобенкова прямо из зала суда [7]. Дело вызвало волнения в обществе, в том числе и в СМИ, люди поделились на два лагеря: одни считали его героем, а другие – убийцей. Если рассмотреть этот вопрос в двух контекстах, то с точки зрения морали он совершил этот поступок, защищая семью, но с другой стороны – совершил противоправное действие и лишил жизни людей, что недопустимо и является нарушением закона.

Подобные дела выступают подтверждением того, что отношение к вынесению судебных решений может быть неоднозначным, так как одни будут считать поступок правильным, а другие – опасным деянием. И по этой причине у разных социальных групп в дальнейшем может складываться отрицательное отношение к праву.

Фактором, который также может негативно повлиять на формирование образа права в сознании общества, является неравенство возможностей реализации своих прав, связанная с социальным статусом граждан. Рассмотрим случай, произошедший в Красноярске. Андрей Шилов и его друг Сергей Шмелев, поссорившись в клубе со своим знакомым Дмитрием Сисигиным, жестоко избили его и, сняв это на камеру, отправили видеозапись друзьям пострадавшего. За жизнь Дмитрия врачи боролись на протяжении двадцати двух дней, но все усилия оказались тщетны: мужчина умер, не приходя в сознание. Подозреваемых задержали только спустя месяц после инцидента. Стоит отметить, что мать Шилова – Людмила Шилова – бывший судья Емельяновского районного суда, а сейчас адвокат. А отец – председатель Емельяновского поселкового совета депутатов. Общественность была уверена, что влиятельные родители подозреваемого окажут влияние на судебное решение. Так и произошло. Было возбуждено уголовное дело в соответствии с УК РФ по ч. 4 ст. 111. То есть статья не соответствовала совершенному преступлению и подразумевала менее строгое наказание.

Огласку данному делу придала подруга пострадавшего, которая опубликовала в социальных сетях информацию о преступлении. Дело начало набирать обороты и вызвало общественный резонанс. Благодаря этому далее делом занялся Следственный комитет Российской Феде-

рации. Сотрудников центрального аппарата обязали проверить действия следователей регионального управления, которые вовремя не среагировали на сообщения о ненадлежащем расследовании уголовного дела. В рамках проверки глава ведомства поручил дать жесткую оценку в том числе и бездействию подчиненных, которые не инициировали передачу материалов уголовного дела в свое производство. Итогом стало то, что каждому обвиняемому присудили по 14 лет и 6 месяцев строгого режима и каждого обязали выплатить родным погибшего по 5,5 млн руб. [8].

Данный пример показывает, как должность родителей смогла повлиять на судебное решение. Но при этом недовольство общественности системой правосудия было ярко выражено, потому что решение было несправедливым. Из-за подобных случаев среди населения сложился определенный стереотип о правовой системе в том духе, что все «схвачено и куплено».

Факторов, которые искажают образ права, достаточно много, одни взаимосвязаны друг с другом, другие являются вытекающим элементом из данных пунктов, поэтому их можно систематизировать следующим образом.

Во-первых, социальный фактор – способствует тому, что в разных социальных группах может складываться разный образ права. Одни будут сомневаться в эффективности правовой системы государства и утверждать, что их права и свободы не реализуются, другие, напротив, могут быть подвержены правовому идеализму и тем самым переоценивать право и его возможности.

Во-вторых, экономический. Экономика страны является движущей силой государства и тесно связана с правовой системой. Если экономическая система страны сильно развита, то государство сможет наладить правовую систему, например: повысить уровень правосознания граждан различными государственными воздействиями, внести коррективы в нормативные правовые акты и т. д. Такие экономические явления, как инфляция, кризис, безработица, бесспорно, влияют на уровень жизни людей, и из-за этого в обществе может складываться мнение: «Мы живем плохо, потому что у нас плохое государство». Многие люди не понимают обычных явлений экономической системы, и это влияет на формирование образа права в современном обществе.

В-третьих, политический фактор – чаще всего связан с высоким уровнем коррупции. Коррупция становится одной из острых проблем в государстве, которая всегда была распространена и вызывала отрицательную реакцию общества. Исходя из этого, у граждан складывается негативное отношение к правовой системе страны, так как, по мнению общества, государство не противодействует коррупции.

В-четвертых, идеологический фактор – проявляется в низком уровне правосознания граждан, незнании или целенаправленном отрицании правовых аспектов и законов, а также преднамеренном несоблюдении законов.

Стоит отметить, что граждане, у которых сложился неправильный или отрицательный образ права под влиянием различных факторов, способны собираться в целые сообщества. Одним из примеров такого сообщества является криминальная субкультура, которая признана экстремистской и запрещена в РФ, – «АУЕ». Это сообщество пропагандирует систему ценностей и норм поведения, которые отвечают криминальной идеологии организованной преступности в России. Возникают данные сообщества чаще всего вследствие низкого уровня правосознания и высокого уровня преступности в отдельных регионах.

На примерах Пермского края и Республики Тыва можно проследить, как происходит воздействие этого фактора на формирование образа права.

В Пермском крае за 2020 г. зафиксировано 39 694 случая преступности. Это объясняется тем, что система мест лишения свободы в регионе представлена 6 следственными изоляторами, 21 исправительной колонией и 7 колониями-поселениями. Множество заключенных, отбывших свой срок, остаются в пределах края и в дальнейшем не могут социализироваться и совершают новые преступления. Под силой данных факторов образ права стремительно искажается, что приводит к распространению криминальной идеологии.

В 2021 г. Республика Тыва заняла первое место в России с наибольшим удельным весом преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Удельный вес таких преступлений от общего числа расследованных за 12 месяцев 2021 г. составляет 50,1 %, республика стабильно занимает верхние строчки по показателям насильственной преступности в Российской Федерации [9].

Рассмотренные примеры дают понять, что образ жизни граждан, менталитет и устои могут выступать факторами искажения образа права в обществе и влиять на правовую систему государства в целом. Для решения данных проблем необходима реакция органов власти, которые могли бы воздействовать с помощью определенных санкций и тем самым предотвращать распространение криминальной идеологии, которая разрушает социальный образ права [10, с. 14–15].

Подводя итог, следует сказать, что проблема искажения образа права распространена в современном обществе. Потому что, во-первых, факторы, влияющие на деформацию восприятия

правовой системы государства, могут быть разнообразными. Во-вторых, приведенные примеры демонстрируют, что справедливость, которая особенно ярко проявляется в судебной практике, может быть отправной точкой, вызывающей искажение образа права, так как для каждой стороны она своя. В дальнейшем это может способствовать появлению предвзятого отношения к

правоохранительным органам и власти, развитию разных видов преступлений. И в-третьих, все это возникает из-за низкого уровня правовой культуры, а государство редко привлекает свои силы на решение этих проблем. Граждане страны должны стремиться повышать свой уровень правосознания и следить за тем, чтобы правильно складывающийся в их сознании образ права не был искажен под влиянием различных факторов.

Список литературы

1. Белобородов А. Г. Образ права как смысловой уровень правосознания и его особенности у преступников : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 - юридическая психология. М., 1998. 215 с.
2. Марова О. О. Два подхода к образу права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 148-151.
3. Кученев А. В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 22-25.
4. Право и мораль // Сайт Адвокатского бюро «Сайфутдинов и партнеры». – URL: <https://www.advokatrt116.ru/pravo-moral/> (дата обращения: 30.03.2022).
5. Доктор Александр Мясников выразил негодование по поводу приговора, вынесенного Владимиру Санкину // GTRK.TV. Филиал ФГУП ВГТРК ГТРК «Башкортостан». URL: <https://gtrk.tv/novosti/207865-doktor-aleksandr-myasnikov-vyrazil-negodovanie-prigovora-vynesenogo-vladimiru> (дата обращения: 30.03.2022).
6. Ларина В. Громкое убийство в Уфе: почему решили, что нужно защищать педофила, а не Санкина / В. Ларина // Сетевое издание «Уфа1.ру». – URL: <https://ufa1.ru/text/criminal/2021/01/30/69736026/> (дата обращения: 30.03.2022).
7. Бойко А. Александр Бастрыкин: приговор Владимиру Санкину, который убил педофила, может быть обжалован // Сетевое издание «Комсомольская правда». URL: <https://www.kp.ru/daily/27252/4382852/> (дата обращения: 30.03.2022).
8. Варламов И. Сын депутата с другом до смерти избил знакомого, снимая процесс на видео // Индивидуальная страница Илья Варламова на Teletype. – URL: <https://varlamov.ru/3634207.html> (дата обращения: 30.03.2022).
9. О состоянии преступности на территории Республики Тыва в 2021 году // Генеральная прокуратура РФ : офиц. сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_17/mass-media/news?item=71586286 (дата обращения: 30.03.2022).
10. Корнев В. Н. Образ человека в праве // Правосудие. 2021. Т. 3, № 3. С. 8-16.

Проблемы применения «новых» отраслей криминалистической техники при расследовании преступлений

© Рыбакова Ю. Д., 2022

Ю. Д. Рыбакова

Старший дознаватель отдела дознания ОМВД России по Нижнеингашскому району Красноярского края, магистрант 2-го года обучения, Восточно-Сибирский институт МВД России, e-mail: yul96-08@mail.ru

Научный руководитель:

С. В. Унжакова, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Восточно-Сибирский институт МВД России, e-mail: unzhakova_sveta@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются этапы становления института криминалистической техники. Дается краткая характеристика криминалистической техники. Исследуются отрасли криминалистической техники и имеющиеся на сегодняшний день проблемы применения «новых» отраслей криминалистической техники при расследовании преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая техника, «новые» отрасли криминалистической техники, расследование преступлений, «цифровая» криминалистика, цифровые следы.

Криминалистическая техника, являясь одной из составляющих криминалистической науки, имеет принципиальное значение в борьбе с преступностью, поскольку способствует более эффективному, корректному и быстрому раскрытию преступлений разной степени сложности и направленности, играет важную роль в нормальном правовом функционировании любого общества и государства.

Для продуктивного расследования преступлений невозможно обойтись без использования криминалистической техники. В частности, не обойтись без актуальных знаний, новых технических и тактико-криминалистических средств и методов, различных криминалистических технологий, разработок и внедрения «новых» отраслей криминалистической техники, что на практике может проявляться рядом проблем, возникающих из-за закрытости, недостаточной разработанности «новых» отраслей техники, отсутствия продуманной методологической базы, а также частого несоответствия таких отраслей определенным критериям.

Формирование и становление криминалистической техники приходится на конец XIX в. – начало XX в., что было спровоцировано резким ростом преступности, для борьбы с которой активно использовались такие отрасли науки, как биология, медицина, физика, химия, баллистика и проч. Данные отрасли науки помогали в решении различных криминалистических задач (расследование преступлений, поиск следов преступлений, исследование следов и их разъяснение). В трудах отечественных авторов того времени, в частности работах Б. Л. Бразоля, Е. Ф. Буринского, в некоторой степени опиравшихся на исследования зарубежных ученых, к примеру Г. Гросса, «криминалистические знания выделялись в качестве проводника других наук в раскрытии

преступлений, предназначались для целесообразного ведения судебного следствия и носили несистематизированный характер» [1, с. 43].

Важным этапом в истории отечественной криминалистики принято считать «отделение следствия от суда в результате судебной реформы 1864 года» [2, с. 8]. Известно, что с момента своего отделения от следствия так называемая уголовная техника, послужившая прототипом современной криминалистической техники, стала развиваться в двух направлениях:

- 1) по профилю разработки и совершенствования средств уголовной регистрации и розыска;
- 2) по профилю разработки научных методов исследования вещественных доказательств.

В рамках первого направления активно развивалась дактилоскопия, криминалистическая эффективность которой ни у кого не вызывает сомнений. Так, первое дактилоскопическое бюро в России появилось в 1906 г., а в 1908 г. таких бюро уже насчитывалось 89 и размещались они преимущественно в крупных городах и при тюрьмах. В 1909 г. В. И. Лебедев «составил первую инструкцию по «пальцепечатанию», в которой изложил научно обоснованные требования при получении образцов отпечатков пальцев» [3, с. 154].

В январе 1919 г. была введена регистрация судимости, а через месяц создано регистрационное и дактилоскопическое бюро, впоследствии получившее наименование Центрального регистрационно-дактилоскопического бюро. В 1922 г. в РСФСР уже использовалась «единая централизованная система регистрации преступников (дактилоскопическая) и обязательное фотографирование их по правилам сигналитической съемки» [Там же, с. 155], осуществлялась регистрация преступников по фамилиям.

Развитие второго направления криминалистической техники широко представлено работами таких известных ученых, как Н. П. Макаренко, В. И. Фаворский, В. Л. Русецкий и др., однако чаще всего его формирование связывают с именами Е. Ф. Буринского (пионер отечественной исследовательской криминалистической фотографии, автор труда «Судебная экспертиза документов» (1903 г.), основоположник таких методов, как обыск, осмотр места происшествия и т. д.) и Чезаре Ломброзо (специалист в области графологии).

1 марта 1919 г. по решению Коллегии НКВД РСФСР при Центроросыске был открыт Кабинет судебной экспертизы, послуживший фундаментом научно-технической службы уголовного розыска, руководителем которого был назначен П. С. Семеновский, а дату его открытия принято считать «днем зарождения экспертно-криминалистической службы российских органов внутренних дел» [3, с. 157].

Ключевым достижением 1960–1980-х гг. в историческом развитии криминалистики к тактике, методике и технике добавились общая теория и методология криминалистики. Так, активно развивались общетеоретические положения криминалистической техники, в частности: криминалистическая баллистика и трасология (С. М. Потапов, Б. И. Шевченко, Б. М. Комаринец); техническое исследование документов (Н. В. Терзиев, А. А. Эйсман); судебное почерковедение (А. И. Винберг); технико-криминалистические средства и методы исследования вещественных доказательств (А. И. Винберг); использование специальных познаний в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел (В. М. Вальдман, В. И. Гончаренко, И. Н. Сорокотягин).

В 1962 г. был открыт Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз, в котором соединились следственная и экспертная практическая деятельность, исследование и повышение эффективности различных научно-технических методов, способов и средств расследования преступлений.

На современном этапе развития, началом которого принято считать 90-е гг. XX в., криминалистика характеризуется как направленная «на внедрение новых технологий в процесс расследования и совершенствование общей и частных криминалистических теорий, расширение исследований за пределы уголовного цикла» [1, с. 45].

Криминалистическая техника, по общему правилу, рассматривается как «раздел криминалистики, представляющий собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов и методик, предназначенных для собирания, исследования и ис-

пользования доказательств и иных мер раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [4, с. 7] и представлена с практической точки зрения различной высокотехнологичной аппаратурой, материалами, приспособлениями, приборами, инструментами, иными средствами, широко применяемыми в криминалистических целях при расследовании преступлений.

Между тем среди современных ученых-криминалистов отсутствует единое мнение об определении исследуемого раздела криминалистики. Первоначально ученые отождествляли криминалистическую (уголовную) технику непосредственно с наукой криминалистикой.

Спустя какое-то время прототип нынешней криминалистической техники был выделен в самостоятельный раздел криминалистики и продолжал именоваться «уголовная техника», составными частями которой были «способы, приемы и методы применения знаний естественных наук при расследовании преступлений и... совокупности самих технических средств» [5, с. 139].

Позднее, как указано в работе И. Е. Мазурова, данным термином определяли «систему приемов исследования вещественных доказательств и физических признаков в целях розыска, опознания и идентификации лиц и предметов, фигурирующих в следственных делах» [6, с. 96].

В период с 1938 по 1958 г. понятие «уголовная техника» вообще вышло из обихода и вновь стало встречаться только в 1958 г. в работах С. П. Митричева.

Следующее изменение содержания определение претерпело в 1959 г. благодаря профессору А. И. Винбергу, который обозначил криминалистическую технику как «совокупность научно-технических приемов и средств, применяемых при расследовании преступлений для обнаружения, сохранения, фиксации, изъятия и исследования различных судебных доказательств» [5, с. 139].

Н. А. Селиванов был одним из первых ученых, предложивших рассматривать криминалистическую технику как научно обоснованную систему, выделял в ее структуре «помимо общепринятых приемов и средств, основы их применения, современное состояние и перспективы развития научно-технической базы» [Там же, с. 139].

Определение криминалистической техники, данное Р. С. Белкиным и легшее в основу многих современных учебных пособий по криминалистике, подразумевало под ней систему научных положений, на основе которых проводится разработка «технических средств, приемов и методик, предназначенных для собирания, исследования и использования доказательств и иных мер раскрытия и предупреждения преступлений» [4, с.139].

П. С. Пастухов под криминалистической техникой понимает «раздел науки криминалистики, изучающий закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках в материальных следах события, закономерности их обнаружения, собирания, исследования, оценки и использования, на основе познания этих закономерностей разрабатывающий технические средства, приемы и методики работы с вещественными доказательствами в процессе расследования и предотвращения преступлений» [7, с. 624]. Полагаем, что данное определение является наиболее содержательным.

Анализ научной литературы, исследующей криминалистическую технику, позволяет сделать вывод, что сущность криминалистической техники в целом проявляется в способствовании «решению такой сложной системной социальной проблемы, как борьба с преступностью, обеспечение безопасности и интересов государства, общества и человека» [8, с. 40].

Общеизвестно, что систему криминалистической техники составляют ее основные отрасли, которые условно делятся на базовые криминалистические: фотография, видеозапись и кино съемка; трасология или следоведение; оружейведение; документоведение; габитоскопия; нетрадиционные (или новые) отрасли, которые являются следствием научно-технического прогресса: фоноскопия; иридология; одорология; «биометрические технологии идентификации человека по признакам ушной раковины, черепа, зубной формулы, кистей рук, термокарте лица» [2, с. 7]; генотипоскопическая идентификация человека; а также криминалистические: кадаврология, биоритмология, гипнология, наркоанализ и полиграфология, иные отрасли.

Основными проблемами при формировании и последующем применении «новых» отраслей в системе криминалистической техники являются сложности в определении критериев соответствия «новой» отрасли криминалистической технике. К числу критериев, в частности, относят:

– «наличие научно обоснованной и достаточно обособленной от иной теоретической базы, учения» [9, с. 614];

– наличие спроса и необходимости в следственном и судебном производстве в формировании соответствующей практики;

– принятие и оценка по достоинству отрасли рядом серьезных специалистов из разных областей науки, в том числе юридической, криминалистической, естественно-научной, иных.

Проблемы применения «новой» отрасли криминалистической техники при расследовании преступлений мы можем продемонстрировать на примере такой действительно «новой» от-

расли, как цифровая криминалистика (криминалистическое исследование электронных носителей информации).

В современном мире высоких информационных технологий преступники в своей деятельности все чаще используют как средства и орудия преступления для осуществления противоправной деятельности различные компьютерные средства и информационные технологии, легальное, а чаще вредоносное программное обеспечение. И если в так называемой доинформационной эпохе «следы преступлений в основном оставались в виде идеальных следов или материальных следов в виде отображений, предметов и веществ, то в новой реальности начинают преобладать цифровые следы» [7, с. 625], что позволяет говорить о новом виде преступления, а значит, и о новом способе его расследования.

Преступления, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных технологий, вышли за рамки компьютерных и стали совершаться новыми способами с применением современных технологий [10, с. 81]. Традиционные отрасли криминалистической техники не содержат необходимой базы и компетенций для работы с цифровыми следами, расследование подобных преступлений требует создания совершенно новой информационной основы уголовно-процессуальных доказательств и пересмотра базовых отраслей криминалистической техники.

Поскольку цифровые следы преступлений остаются, как правило, на электронных носителях информации, их исследование должно осуществляться также посредством электронных носителей исключительно в рамках действующего законодательства, регламентирующего процессуальный порядок обращения с электронными носителями информации, «для формирования электронных доказательств и перспективного внедрения элементов электронного правосудия» [7, с. 628].

Следует отметить и тот факт, что ряд серьезных ученых (В. Б. Вехов, П. С. Пастухов, А. Н. Яковлев, Е. Р., К. С. Плахота, А. Ф. Волынский, Е. Р. Россинская и др.) признают глобальное воздействие информационных технологий как на рост киберпреступности, так и на эффективность расследования подобных преступлений и указывают на необходимость решения проблемы цифровизации криминалистической деятельности, предлагают различные термины для определения «новой» отрасли техники («электронная криминалистика» [11, с. 41] – В. Б. Вехов, «цифровая криминалистика» [12, с. 359] – А. Н. Яковлев, «компьютерная криминалистика» – К. С. Плахота и А. Ф. Волынский), реко-

мендуют включить данную дисциплину в обязательную образовательную программу для подготовки криминалистов.

Таким образом, «цифровая криминалистика» соответствует требуемым критериям (существование данной отрасли имеет научное обоснование, она достаточно обособлена от других, теория представляет актуальность для судебно-следственных органов, данная отрасль по достоинству оценена и исследована авторитетными специалистами), а следовательно, достойна выделения в отдельную «новую» отрасль.

Резюмируя вышесказанное, считаю, что одной из важнейших проблем проведения след-

ственных действий является проблема обеспечения его эффективности, в том числе посредством корректного выбора тактики ведения следственной деятельности, правильного использования необходимых технико-криминалистических средств, целесообразного применения «новых» отраслей криминалистической техники при расследовании преступлений. Изучение и решение данных проблем позволит криминалистам и следователям максимально эффективно расследовать преступления, применяя методы «новой» отрасли техники, поскольку они соответствуют современным требованиям больше, чем традиционные базовые.

Список литературы

1. Ухолова А. М. Криминалистическое обеспечение противодействия криминальным захватам в трудах российских ученых XIX–XXI вв // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 43–47.
2. Рывкин С. Ю., Романова М. М. Современное состояние и тенденции развития криминалистической техники. Волгоград : Сфера, 2020. 138 с.
3. Гарафутдинова Ф. М., Шевелева К. В. О формировании и становлении криминалистической техники в России. Конец XIX в. 30-е годы XX в. // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 154–157.
4. Ткачук Т. А. Криминалистическая техника: основные понятия. 2-е изд., пересм. и доп. Владимир : Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2016. 108 с.
5. Гаужаева В. А., Бураева Л. А., Карданов Р. Р. Сущность и роль криминалистической техники, как раздела криминалистики в борьбе с преступностью: история и современность // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 138–140.
6. Мазуров И. Е. Криминалистическая техника: генезис развития понятия и проблема применения понятийного аппарата // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 12. С. 96–98.
7. Пастухов П. С. Криминалистическое исследование электронных носителей информации как новая отрасль технико-криминалистической деятельности // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 622–639.
8. Волынский А. Ф., Плахота К. С. Научно-технический прогресс – источник развития криминалистики и совершенствования следственной практики // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 40–46.
9. Обмачевская И. А., Удодова А. С. О некоторых проблемах «новых» отраслей криминалистической техники // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2017. № 14. С. 613–615.
10. Степаненко Д. А. Киберпространство как модулятор процесса расследования преступлений и развития криминалистической науки // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 77–88.
11. Вехов В. Б. Электронная криминалистика: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2017. С. 40–46.
12. Яковлев А. Н. Цифровая криминалистика и ее значение для расследования преступлений в современном информационном обществе // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2018. С. 357–362.

Противоправность как необходимое условие деликтной ответственности

© Свистунова Н.А., 2021

Н. А. Свистунова

Студентка 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail:

Научный руководитель:

Е. П. Шевчук, преподаватель кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: elena-shevchuk-1978@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о таком условии деликтной ответственности, как противоправность поведения причинителя вреда. Описываются формы противоправного поведения при причинении вреда. Изучаются особенности обоснования позиций суда в отношении «противоправности поведения в форме бездействия». Раскрывается понятие правомерного поведения при причинении вреда.

Ключевые слова: деликтная ответственность, противоправность поведения причинителя вреда, правомерное поведение причинителя вреда.

Обязательным условием деликтной ответственности является противоправность поведения лица, последствием которого является причинение вреда.

В Гражданском кодексе РФ установлено, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 1064 ГК РФ [1]. Таким образом, возмещению подлежит вред, причиненный неправомерными, противоправными действиями, если иное не предусмотрено законом.

Е. А. Суханов раскрывает понятие «противоправность поведения» лица как «поведение лица, которое нарушает норму права и одновременно нарушает субъективное право другого лица» [2, с. 1084].

В юридической литературе распространено мнение, что противоправное поведение в деликтной ответственности – это поведение, нарушающее нормы объективного права. Следовательно, в обязательствах из причинения вреда нарушение нормы объективного права означает нарушение норм субъективного права. Профессор М. М. Агарков писал, что «нарушение объективного права, причинившее кому-либо вред, может породить обязательство компенсировать вред, если вместе с тем нарушено субъективное право потерпевшего» [3, с. 24].

Понятие «противоправность поведения лица, причинивший вред» определяется только в доктринальном контексте, так как в гражданском законодательстве легально не закреплено понятия противоправности поведения, как и правомерного поведения.

В юридической литературе ведется дискуссия относительно понятия противоправности поведения. А. Б. Бабаев пишет: «В условиях действия принципа генерального деликта, установленного п. 1 ст. 1064 ГК РФ, противоправность

как одно из условий лишается всякого самостоятельного значения» [4, с. 176]. Из этого следует, что причинитель вреда для освобождения себя от обязанности по его возмещению должен доказать свою управомоченность на причинение вреда, тем самым подтвердив правомерность своих действий.

Согласно принципу генерального деликта всякое причинение вреда другому лицу презюмируется противоправным, т. е. из названного принципа следует также, что на потерпевшего не возлагается обязанности доказывать противоправность поведения причинителя вреда либо она предполагается.

Некоторые авторы считают, что противоправность как условие деликтной ответственности лишена самостоятельности, так как она презюмируется. Противоположное мнение по поводу самостоятельности противоправного поведения причинителя вреда приводят В. Т. Смирнов, А. А. Собчак, А. С. Шевченко, Г. Н. Шевченко: если причинителю вреда необходимо доказать правомерность своих действий, существование права на причинение вреда, то и противоправность является необходимым условием наступления деликтной ответственности.

Противоправное поведение чаще всего выражается в активных действиях, повлекших потерю в имущественной и неимущественной сферах потерпевшего. Например, согласно ч. 5 ст. 19 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате нарушения его права на имя или псевдоним, подлежит возмещению в соответствии с ГК РФ [5].

Противоправно причиненный вред может наступать как в результате действия, так и в результате бездействия. Результат бездействия будет противоправным тогда, когда осуществление соответствующих действий входило в обязанность ответственного лица, а также когда это

лицо имело реальную возможность осуществить необходимые действия, поэтому неисполнение этой обязанности и будет означать противоправность поведения. На практике это может быть, к примеру, несоблюдение правил техники безопасности, что может повлечь причинение вреда здоровью потерпевшего.

Для полного понимания содержания противоправного причинения вреда в форме бездействия можно привести пример из судебной практики. С управляющей компании в пользу собственника автомобиля, получившего повреждения в результате схода льда с крыши дома, взысканы денежные средства в счет возмещения материального ущерба, поскольку управляющая компания не исполнила обязательств по своевременному удалению снега с крыши, т. е. допустила бездействие. Истец просил суд взыскать с управляющей компании ущерб, указав, что припарковал принадлежащий ему автомобиль во дворе дома, а вернувшись, обнаружил повреждения на автомобиле в результате падения с крыши дома льда. Судом требования удовлетворены в полном объеме: взыскана стоимость восстановительного ремонта, судебные расходы. Разрешая спор, суд первой инстанции, оценив по правилам ст. 67 ГПК РФ представленные по делу доказательства, в том числе показания свидетеля, подтвердившего обстоятельства причинения автомобилю истца повреждений, установив наличие причинно-следственной связи между падением льда с крыши дома на автомобиль истца и причинением имуществу повреждений, пришел к выводу, что вред истцу был причинен в результате ненадлежащего исполнения ответчиком обязанностей по содержанию многоквартирного дома, в том числе по очистке кровли здания от снега. Ответчик в нарушение требований ст. 56 ГПК РФ не представил доказательств надлежащего исполнения своих обязательств и отсутствия своей вины в причинении вреда [6].

Противоправным причиненный вред может быть в результате виновных и невиновных действий, так как противоправность – это объективная характеристика правонарушения (например,

случайное причинение вреда источником повышенной опасности) [7, с. 22].

Правомерным признается причинение вреда действием, на совершение которого есть согласие потерпевшего, если это согласие дано дееспособным лицом и свободно, а также согласие потерпевшего должно быть правомерным. Правомерным считается причинение вреда по просьбе или с согласия потерпевшего, но только в том случае, если действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества согласно п. 3 ст. 1064 ГК РФ. Такое причинение вреда должно еще не противоречить общим началам и смыслу ГК РФ, т. е. должно соответствовать гражданскому праву. Просьба или согласие на причинение вреда должны быть выражены добровольно и в пределах свободного распоряжения принадлежащими лицу благами. Не будет считаться правомерным причинение вреда по просьбе или с согласия потерпевшего, если потерпевший недееспособен или дал согласие под влиянием обмана, насилия, угрозы.

Правомерное причинение вреда возможно при осуществлении субъективного права (например, в случае необходимой обороны либо крайней необходимости или при исполнении определенных обязанностей).

Таким образом, противоправность как одно из обязательных условий деликтной ответственности нарушает правовую норму и субъективное право, которое охраняется этой нормой. Общепризнано, что противоправным поведением причинителей вреда являются действия, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими своих обязанностей. В условиях деликтной ответственности, кроме противоправного поведения причинителя вреда, также присутствует и правомерное поведение причинителя вреда, за которое ответственность не наступает, поскольку нет состава правонарушения. Исходя из этого, противоправность поведения причинителя вреда – это необходимое условие наступления деликтной ответственности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства РФ. 1996. №5.
2. Российское гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 2. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. 1208 с.
3. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с. (Ученые труды ВИЮН ; вып. 3).
4. Бабаев А. Б. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Белова В. А. 2-е изд., стер. М. : Юрайт, 2018. 484 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // Собр. законодательства РФ. 1994. №32.
6. Апелляционное определение от 26 июня 2013 г. по делу № 33-9750/2013 Санкт-Петербургский городской суд // Архив судебных решений.
7. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учеб. пособие. М. : Статут, 2013. 133 с.

Особенности правового регулирования международной морской перевозки грузов: система источников

© Сельващук А. А., 2022

А. А. Сельващук

Студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: Selvashuk@yandex.ru

Научный руководитель:

Е. Д. Давыдова, преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: e.makrickaya@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются основные источники правового регулирования международной морской перевозки грузов, проблемы данных источников. Проводится сравнительный анализ норм национального права и международного права в сфере правового регулирования международной морской перевозки грузов.

Ключевые слова: международная морская перевозка, источники правового регулирования, договор, перевозчик, ответственность, коносамент.

Традиционно международную морскую перевозку грузов относят к предмету международного частного права (далее – МЧП), поскольку фактически такая перевозка представляет собой гражданско-правовую сделку, сущность которой заключается в перевозке грузов по морю между несколькими странами. Следовательно, система источников правового регулирования данных перевозок совпадает с системой источников МЧП. Говоря о международно-правовом регулировании морских перевозок груза, следует отметить, что юридическое сообщество выделяет четыре главных источника в данной сфере.

Так, первым международным договором, регулирующим сферу морских перевозок груза, стала Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаментах, за которой закрепилось название «Гаагские правила». Конвенция была принята 25 августа 1924 г. и вступила в силу 2 июня 1931 г. Конвенция является достаточно лаконичной и состоит из 16 статей. Главной ее целью было установление общих правил, регулирующих отношения, связанные с использованием коносамента. Документ содержит в себе определение наиболее значимых для перевозки терминов, таких как: «перевозка грузов», «судно», «грузы», «договор перевозки» и «перевозчик». Однако стоит упомянуть, что конвенция не дает дословного определения термина «перевозчик», а лишь указывает на то, что им может быть собственник судна или фрахтователь. В соответствии с данным документом на перевозчика возлагается ряд обязанностей, таких как: надлежащая подготовка судна к перевозке груза, забота о сохранности и целостности груза, также перевозчик должен выдать по требованию отправителя груза после его погрузки коносамент. Помимо обязанностей участников отношений, связанных с торговым мореплаванием, Гаагские пра-

вила регулируют вопросы ответственности перевозчика и отправителя груза, устанавливая ряд обстоятельств, при возникновении которых перевозчик или отправитель груза не будет нести ответственность за потери или убытки. Данный документ является первой международной конвенцией, регулирующей вопросы международных морских перевозок, на базе конвенции были созданы все последующие международные договоры в этой сфере.

Однако через некоторое время Конвенция стала подвергаться критике. Основной проблемой являлось закрепленное в ст. 4 положение об установлении предельного размера ответственности перевозчика, согласно которому перевозчик не несет ответственности за какие-либо убытки и потери грузов в сумме, превышающей 100 фунтов стерлингов за место или единицу груза либо эквивалент такой суммы в другой валюте [1]. Вскоре после принятия данной конвенции фунт стерлинга начал резко обесцениваться, что существенно снизило предел ответственности перевозчиков. Помимо этого, конвенция не регулировала вопросы бурно развивающихся контейнерных перевозок. В связи с этим в 1968 г. был принят брюссельский протокол к гаагским правилам, получивший название «Правила Гаага – Висби» [2]. К измененной конвенции присоединился ряд стран, которые не участвовали в Конвенции 1924 г., одной из них и стала Российская Федерация. Наиболее важным изменением, которое внес в Гаагские правила протокол 1968 г., было изменение размера ответственности перевозчика. В соответствии со ст. 2 Протокола об изменении Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаментах, подписанной в Брюсселе 25 августа 1924 г., была изменена максимальная сумма компенсации убытков отправителю. Так, данная сумма устанавливалась в размере: 10 тыс. франков за место или единицу

либо 30 франков за один килограмм веса брутто утраченного или поврежденного груза [3]. Однако затем проблема инфляции коснулась и франка, в связи с чем предельный размер ответственности перевозчика стал устанавливаться в СДР (расчетных единицах, устанавливаемых Международным валютным фондом). Кроме того, протокол содержит указание на ограничение ответственности при контейнерной перевозке грузов. Стоит отметить, что в настоящий момент именно Правила Гаага – Висби являются основной конвенцией, которую применяют большинство государств в мире для регулирования морской перевозки грузов.

Третьим источником является Конвенция Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов 1978 г., получившие название «Гамбургские правила». Они были разработаны главным образом как ответ на обеспокоенность развивающихся стран тем, что Гаагские правила и Правила Гаага – Висби ставили перевозчика в более выгодное положение по сравнению с отправителем. Следует подчеркнуть, что в Гамбургских правилах установлен сходный с Гаага-Висбийскими правилами механизм ограничения предельного размера ответственности перевозчика за повреждение или утрату груза. При этом ограничение размера ответственности по Гаагским правилам допустимо использовать при отсутствии информации о стоимости груза в коносаменте, а Гамбургские правила, в свою очередь, подобного условия не содержат. Гамбургские правила, в отличие от Правилами Гаага – Висби, ужесточают ответственность перевозчика и вводят презумпцию его вины. Помимо этого, они более детально регулируют процесс морской перевозки, поскольку дают определение множеству терминов, используемых в данной отрасли, подробно описывают требования к форме и расширяют обязательное содержание коносамента. Тем не менее Гамбургские правила не получили широкого распространения в международном праве, к данной конвенции присоединилось всего порядка 30 стран.

Последним и наиболее современным международным договором в данной сфере стала Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов 2008 г., получившая название «Роттердамские правила». Одной из главных отличительных особенностей Роттердамских правил является сфера правового регулирования. Так, в п. 1 ст. 1 указывается, что договор перевозки, помимо перевозки морем, может включать в себя дополнительно перевозку иными видами транспорта. Следовательно, данный документ возможно использовать для регулирования отношений по транспортировке наземным и

воздушным транспортом при условии, что в данном договоре перевозка морем является главным видом перевозки. Одним из важнейших нововведений стало появление норм, регулирующих электронные записи. Так, в Гаагских правилах вообще ничего не говорилось про электронные средства обмена информацией. Гамбургские правила лишь имели отсылку к тому, что коносамент может быть подписан посредством электронной подписи. В отличие от упомянутых двух предыдущих конвенций в новом документе присутствует целая отдельная глава, посвященная электронным транспортным записям, что говорит о достаточно современном подходе к правовому регулированию. Помимо всего прочего, данная конвенция является наиболее объемной по содержанию, в ней детально прописаны все обязанности перевозчика и отправителя, а также иные немаловажные аспекты. Однако при всех очевидных преимуществах использования данной конвенции в мире за десятилетия сложилась довольно устойчивая практика по использованию Правил Гаага – Висби, и далеко не все страны готовы резко отойти от нее и начать применять новый документ. К сожалению, в настоящее время Роттердамские правила не являются действующей конвенцией.

Как уже отмечалось выше, одним из источников правового регулирования международных морских перевозок грузов является внутреннее (национальное) законодательство государств. В Российской Федерации действует несколько нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу.

Общие начала правовой регламентации перевозки грузов закреплены в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ). Так, ст. 784 ГК РФ гласит, что перевозка грузов, пассажиров и багажа осуществляется на основании договора перевозки [5]. Статья 785 ГК РФ дает определение договору перевозки грузов, а также указывает на то, что заключение данного договора может подтверждаться выдачей соответствующей транспортной документации (транспортной накладной, коносаментом или иным документом). ГК РФ содержит также определение договора фрахтования, который играет важную роль в морской перевозке. Однако следует подчеркнуть, что ГК РФ является лишь базовым источником, закрепляющим общие подходы к правовому регулированию морских перевозок груза. Согласно ч. 2 ст. 784 ГК РФ условия перевозки определяются иными транспортными уставами и кодексами, а ст. 792 ГК РФ говорит о том, что груз должен быть доставлен в срок, определенный указанными выше транспортными уставами и кодексами.

Основным нормативным актом, который регулирует правоотношения, связанные с международной морской перевозкой груза, в российском законодательстве, является Кодекс торгового мореплавания РФ (далее – КТМ). Морской перевозке грузов посвящена гл. VIII, которая включает 8 параграфов (63 статьи). В гл. VIII КТМ содержится определение понятия договора морской перевозки груза и требование к его форме, регулируются правоотношения, связанные с подачей судна и погрузкой груза, выгрузкой и выдачей груза, присутствуют нормы об исполнении, прекращении обязательств и ответственности сторон по договору морской перевозки груза. Одной из важнейших глав КТМ является гл. XXVI «Применимое право». Коллизионные нормы, закрепленные в данной главе, призваны регулировать отношения, возникающие из торгового мореплавания, в том числе и отношения, которые возникают по поводу морской перевозки грузов с участием иностранных юридических и физических лиц либо осложненные иностранным элементом.

Такая структура российского законодательства, в которой общие начала правового регулирования перевозки грузов закреплены в ГК РФ, а все остальные важные положения об условиях, ответственности и сроках исполнения обязательств приводятся в КТМ, порождает некоторые спорные вопросы. Так, к примеру, согласно общему подходу, закрепленному в ГК РФ, в частности в ст. 401 и 796, основанием для возникновения ответственности является вина перевозчика. Однако п. 1 ст. 166 КТМ включает в себя перечень оснований, при наличии которых перевозчик освобождается от ответственности. На этой почве в доктрине права развернулась научная дискуссия. Одна группа авторов считает, что основанием возникновения ответственности морского перевозчика является его вина, другая группа – что перевозчик несет ответственность во всех случаях, кроме тех, которые прямо названы законом как случаи, исключающие ответственность [4, с. 13]. Таким образом, возникает вопрос, должен ли перевозчик нести ответственность во всех случаях, которые не предусмотрены перечнем, указанным в ст. 166 КТМ, или же лишь при наличии вины.

КТМ не является единственным нормативным актом, регулирующим данные правоотношения. Федеральный закон от 08.11.2007 № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регламентирует процедуру создания, открытия и закрытия морского порта, определяет цели и методы государственного регулирования в портах, а также основы оказания услуг. Наиболее существенное значение в регулировании отношений по поводу морской перевозки грузов играет гл. 5 Федерального закона «О морских портах» – «Особенности оказания услуг по перевалке грузов в

морском порту», нормы которой подробно регламентируют процедуру перевалки грузов. Под перевалкой грузов понимается их перемещение по территории порта для каких-либо целей. Без данной операции невозможно в полной мере осуществлять морскую перевозку грузов, в том числе и международную.

Говоря об источниках правового регулирования в данной отрасли, нельзя не рассмотреть Федеральный закон 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации», который устанавливает границы внутренних морских вод и вод территориального моря, регламентирует проход, плавание и стоянку иностранных судов в них, регулирует вопросы, связанные с действием юрисдикции Российской Федерации по отношению к иностранным судам, а также вопросы, которые касаются морских научных и ресурсных исследований. Наиболее существенное значение для регулирования международной морской перевозки груза имеет гл. 2 закона: ст. 2 содержит положение, согласно которому все иностранные суда наделяются правом захода в любой открытый российский порт, при этом данное право отсутствует у иностранных военных кораблей и судов, которые используются в некоммерческих целях [7]. Это свидетельствует о том, что большинство иностранных судов, занимающихся международной морской перевозкой грузов, имеют право захода в любой открытый российский порт.

Сравнение норм международного права с нормами российского законодательства показало, что нормы российского права в области международных морских перевозок отвечают большинству общепринятых международных стандартов. К примеру, многие положения, закрепленные в правилах Гаага – Висби, в той или иной степени имплементированы в КТМ РФ. Так, в КТМ установлен механизм ограничения ответственности перевозчика, который практически идентичен механизму, описанному в нормах Правил Гаага – Висби. При этом КТМ содержит похожий перечень оснований, исключающих возникновение ответственности перевозчика, а также сходные требования к содержанию коносамента. Стоит отметить, что данный нормативный правовой акт устанавливает более объемный перечень требований к содержанию коносамента по сравнению с Правилами Гаага – Висби. К примеру, в ст. 168 КТМ говорится, что при утрате или повреждении груза перевозчик освобождается от ответственности, в случае если груз прибыл в порт назначения с исправными тарой и пломбой отправителя, размещался в исправных помещениях и при этом перевозился в сопровождении отправителя или получателя. Данное обстоятельство, исключающее ответственность перевозчика, является новеллой российского права и не закреплено ни в одной из международных конвенций.

Список литературы

1. Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте (Гаагские правила) (Брюссель, 25 августа 1924 г.) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133601/?ysclid=l4whvtp5p5568814
2. Протокол об изменении Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте от 25 августа 1924 г. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21504/?ysclid=l4whxdm9hi715404837
3. О присоединении Российской Федерации к Протоколу об изменении Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте от 25 августа 1924 года, измененной Протоколом от 23 февраля 1968 года : федер. закон от 06.01.1999 № 17-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 2. Ст. 244
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов (Заключена в г. Гамбурге 31.03.1978) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3826/?ysclid=l4whzfapm551513345
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5.
6. Кумалагова Т. Т. Ответственность перевозчика за не сохранность груза по договору международной морской перевозки груза : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13.
7. О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3833.

К вопросу об актуальности расследования уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ

© Шиленко И. А., 2022

И. А. Шиленко

Аспирант, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет, e-mail: Ilya.Shilenko@mail.ru

Научный руководитель:

А. А. Протасевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Юридический институт, Байкальский государственный университет, e-mail: ProtasevichAA@bgu.ru

Аннотация. Проводится сравнительный анализ норм, предусмотренных ст. 193, 193.1 УК РФ. Обосновывается необходимость усовершенствования расследования вышеуказанных преступлений, усиления контроля за передвижением денежных средств, вовлеченных в валютный оборот.

Ключевые слова: экономические преступления, Уголовный кодекс РФ, уклонение от исполнения обязанностей, репатриация.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит две статьи, диспозиции которых описывают признаки преступлений, которые можно охарактеризовать как невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте. Это ст. 193 УК РФ и 193.1 УК РФ. Вполне закономерно, что нормы, установленные данным нормативным правовым актом, имеют много общих особенностей и ряд отличительных признаков.

Известно, что одним из приоритетных направлений экономической политики любого государства является формирование его валютных резервов. Россия не составляет исключения. Более того, в силу сложившейся в стране непростой экономической ситуации проблема пополнения валютных резервов становится жизненно важной. Это вопрос экономической и политической стабильности государства, одними мерами валютного и таможенного контроля проблему не решить. Либерализация внешнеэкономической деятельности и выход на внешний рынок большого числа субъектов предпринимательской деятельности при отсутствии надлежащего правового обеспечения и контроля повлекли бесконтрольный вывоз валютных средств за границу.

В России, по оценкам специалистов, выявляемость в целом экономических преступлений составляет 1–3 %. В силу целого ряда причин коэффициент латентности преступного невозвращения намного выше среднего по экономическим преступлениям. С начала 90-х гг. все субъекты хозяйственной деятельности постепенно получили право выхода на внешний рынок, минуя соответствующие государственные структуры. В результате этого предприятия, поставляющие товар на экспорт, стали получать иностранную валюту на свои счета в собственное распоряжение. Такая политика государства имела как позитивные, так и

негативные последствия для экономики страны. В числе последних можно отметить ослабление позиций центра в валютном регулировании и рост валютной задолженности.

Представляется, что рост преступлений указанной категории обусловлен тем, что недобросовестные участники внешнеэкономической деятельности стремятся получить все более высокую прибыль, перекачивая за границу большие объемы валютных средств, при этом отработывая новые схемы незаконного вывода капитала.

Суммы криминального вывоза капитала за границу возрастают с каждым годом, и специалисты не рассчитывают на изменение ситуации к лучшему. Развитие экономики и внешнеторговой деятельности способствует не только развитию положительных правоотношений между ее участниками, но и эволюции преступных схем, их широкому распространению на внешнеторговые отношения. В связи с этим законодательство об уголовной ответственности за отдельные экономические преступления также вынуждено развиваться ускоряющимися темпами.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день объем обмена товарами, услугами и работами между лицами на мировом рынке крайне высок, уже невозможно представить экономическую деятельность лица в рамках только одного государства. По данным Минэкономразвития России, внешнеторговый оборот России по итогам за 10 месяцев 2021 г. вырос до 143 млрд долл. [1].

За 2020 г. в судебных органах Российской Федерации было рассмотрено и принято решение по 28 уголовным делам, возбужденным по ст. 193 и 193.1 УК РФ, из них по двум уголовным делам назначено наказание в виде штрафа, по семи – в виде реального лишения свободы. 19 уголовных

дел разрешились назначением наказания в виде лишения свободы условно.

За первое полугодие 2021 г. по собранным материалам таможенных правоохранительных органов было выявлено и возбуждено 17 уголовных дел по ст. 193 УК РФ и 69 уголовных дел по ст. 193.1 УК РФ [2].

В соответствии со ст. 151 УК РФ подследственность относит данную категорию уголовных дел к компетенции следователей органов внутренних дел Российской Федерации, однако ранее неоднократно отмечалось, что дела этой категории должны расследовать уполномоченные лица таможенных правоохранительных органов Российской Федерации, которые обладают специальными познаниями в области таможенного законодательства. Но по настоящее время соответствующие поправки в ст. 151 УПК РФ не внесены.

Валютная политика, которую осуществляет Российская Федерация, играет значительную роль в стабилизации экономики, защите национальной валюты от конкурентов в виде международных валют. Она включает в себя две основные составляющие – это валютное регулирование и валютный контроль. Это положение четко сформулировано на законодательном уровне [3]. Так, согласно ст. 39 Федерального закона от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» внешняя торговля товарами, услугами и интеллектуальной собственностью может ограничиваться мерами валютного регулирования или валют-

ного контроля в соответствии со статьями Соглашения Международного валютного фонда [4] и с законодательством Российской Федерации [5].

Валютное регулирование – это деятельность органов государственной власти, которая обращена на соблюдение плана реализации валютных операций. Валютный контроль – это комплекс правовых, правоприменительных мер по контролю над соблюдением валютного законодательства. Обеспечение правильности ведения и соблюдения законодательства в сфере осуществления валютных операций является главной целью валютного контроля.

Одной из основных целей валютного регулирования является удержание стабильного курса национальной валюты. Валютный контроль вводится в целях обеспечения соблюдения валютного законодательства при осуществлении валютных операций, это очень важно в связи с существованием такого явления, как бегство капитала.

Совершаемые преступления данной категории имеют выраженную специфику, обусловленную особенностями внешнеэкономической деятельности. В целом это обстоятельство затрудняет выявление и раскрытие преступлений рассматриваемой категории.

Процесс раскрытия преступления представляет собой целенаправленное движение от получения первоначальной информации о деянии к установлению лица, его совершившего. Содержание этой работы в значительной степени зависит от криминалистической характеристики преступления.

Список литературы

1. Официальный сайт АО «ФИНАМ». URL: <https://www.finam.ru/publications/item/proficit-vneshneiy-torgovli-rf-za-10-mesyacev-2021-goda-vyros-do-143-mlrd-20211223-093822/> (дата обращения: 15.01.2022).
2. Официальный сайт ФТС РФ. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravoohranitel-naya-deyatelnost-informacziya-upravleniya-tamozhennykh-rassledovaniy-i-doznaniya/document/296326> (дата обращения 20.02.2022)
3. О валютном регулировании и валютном контроле : федер. закон от 10 дек. 2003 г. № 173-ФЗ (действ. Ред.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Статьи Соглашения Международного валютного фонда : приняты 22.07.1944 : вступили в силу 27.12.1945 (в ред. от 11.11.1992) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности : федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 164-ФЗ (действ. ред.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.